

ПОСЛѢДНІЙ ЦАРЬ ГРУЗИИ ГЕОРГІЙ XII. (*)

(Продолженіе.) (**)

IV.

Положеніе Грузіи при самомъ началѣ вступленія на престолъ Георгія XII.—Отправленіе въ С.-Петербургъ посольства съ просьбою Георгія объ утвержденіи его на престолѣ.—Рескриптъ Георгію императора Павла. — Назначеніе Коваленскаго нашимъ уполномоченнымъ министромъ при дворѣ царя грузинскаго.

Георгій XII вступилъ на престолъ тогда, когда Грузія, незащищенная отъ внѣшнихъ враговъ, не имѣла порядка и во внутреннемъ управленіи. Страна была разорена, народъ обремененъ тяжкими налогами; вездѣ распространились бѣдность и нищета.

Тифлисъ представлялъ собою груду развалинъ. Только двѣ улицы были свободны для проѣзда; но и тѣ по обѣимъ сторонамъ своимъ имѣли разоренные дома (***)

(*) Въ № 1 „Военнаго Сборника“ нынѣшняго года послѣдній царь Грузіи названъ мною Георгіемъ XIII, такъ какъ подъ этимъ именемъ онъ упоминается во всѣхъ актахъ. По розысканіямъ кавказской археографической комисіи, его слѣдуетъ именовать Георгіемъ XII, на томъ основаніи, „что въ исторіи Грузіи упоминается только 12 царей подъ этимъ именемъ: это произошло оттого, что Георгій XI, сынъ шаха Наваза, воцарился два раза“. Охотно исправляю свою ошибку. См. А. кавк. арх. ком., т. I, стр. 93.

(**) См. „Военный Сборникъ“ 1867 г., № 1.

(***) Изъ записокъ Тучкова. Арх. главн. шт. въ С.-Петербургѣ.

Самъ царь, переселившись въ разоренную столицу, долженъ былъ помѣститься въ единственномъ удѣльшемъ домѣ князя Бебутова, гдѣ и прожилъ до самой своей смерти, въ двухъ весьма маленькихъ комнатахъ (*).

Находя доходы государства слишкомъ недостаточными для содержанія своей многочисленной семьи, Ираклій лишалъ князей и дворянъ принадлежавшихъ имъ помѣстій и отдавалъ ихъ въ удѣлъ своимъ дѣтямъ. вмѣстѣ съ этою раздачею, онъ предалъ большую часть Грузіи ихъ своеволію. Когда же смутныя обстоятельства потребовали отъ царевичей содѣйствія царю своими войсками или деньгами, то мы видѣли, какъ исполняли они требованія царя, являясь постоянными послушниками его воли и требованій.

По проискамъ царицы Дарьи, управлявшей царствомъ за болѣзнію мужа, Ираклій находился какъ бы въ необходимости оставлять безнаказанно проступки своихъ сыновей и родственниковъ (**).

Вообще, со времени заключенія съ Россією трактата 1783 года, царь, всё чины государства и народъ грузинскій, полагаясь на покровительство Россіи и на ея сильную помощь, перестали заботиться о собственной безопасности и до такой степени утратили бодрость духа, что ихъ устрашала даже молва о томъ, что лезгинны или персіане вторгнутся въ Грузію. Пользуясь этимъ, аварскій ханъ обложилъ грузинъ ежегодной данью въ 5,000 р., собираемой подъ видомъ подарковъ отъ царя грузинскаго.

Ираклій надѣялся этимъ средствомъ доставить странѣ безопасность отъ набѣговъ аварцевъ и лезгинъ, но цѣли не достигъ, а увеличилъ только подати и поборы съ народа. Налоги, и безъ того значительные, для содержанія царскаго дома, при необходимости уплачивать новую дань, сдѣлались тяжки для народа, тѣмъ болѣе, что отъ постоянного опустошенія края число рабочихъ рукъ не увеличивалось, а уменьшалось.

Помѣщики, обязанные въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ помогать царю, вознаграждали себя съ избыткомъ, разоряя крестьянъ, которые были доведены до того, что искали убѣ-

(*) Записано со словъ кн. Д. О. Бебутова. См. также письмо Ковалевскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 г. Т. А. К. И.

(**) Изъ рапорта Кнорринга государю императору 29-го іюня 1801 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ. Дѣла грузинскія. Книга I.

жища въ чужихъ владѣніяхъ, предпочитая рабство у сосѣдей притѣсненіямъ на родинѣ. Каждый царевичъ, каждая царевна, всякій родственникъ царскій давали такъ называемый барать (указъ) на право взять у купца или у крестьянина лучшее изъ всего, что онъ имѣлъ.

Для отраженія вѣншихъ враговъ Грузіи не имѣла достаточно войска, и царь Ираклій вынужденъ былъ содержать отъ 5,000 до 10,000 человекъ наемныхъ лезгинъ, которые, обязавшись служить къ огражденію народной безопасности, дѣлали своеволія въ Тифлисъ. Ознакомившись со всѣми проходами въ страну, лезгинны вводили въ нее открыто своихъ единоземцевъ, которые грабили и увлекали въ плѣнъ несчастныхъ поселянъ, и, такимъ образомъ, Грузія теряла ежегодно отъ 200 до 300 семействъ. Ираклій зналъ все это, но не принималъ противъ того никакихъ мѣръ, опасаясь еще большихъ бѣдъ (*).

Къ довершенію народнаго бѣдствія, Ага-Магометъ-ханъ разорилъ страну, и въ началѣ 1798 года появилась въ Тифлисъ и въ другихъ мѣстахъ Грузіи моровая язва, получившая, какъ полагали, свое начало въ ханствѣ Ганжинскомъ, отъ бывшего тамъ голода (**).

Торжественное признаніе родственниками и народомъ Георгія царемъ Грузіи не успокоивало его, а, напротивъ того, возлагало новыя заботы о подданныхъ и о странѣ, разоренной и истерзанной внутренними беспорядками.

„Вы сами—писалъ Георгій въ одномъ изъ писемъ къ нашему канцлеру (***)—не менѣ насъ знаетъ о томъ, какими сосѣдями мы окружены и какъ превосходятъ они насъ своимъ могуществомъ. Съ одной стороны сосѣди наши персіане въ прошедшихъ годахъ такъ насъ разсѣяли, что и понынѣ обдѣланные наши подданные и мы другъ друга сыскать не можемъ; съ другой стороны турки наслали къ намъ лезгинцевъ, разорили наши деревни, взяли въ полонъ племянника нашего князя Циціанова, коего и понынѣ содержатъ въ плѣну въ Ахалцыхъ; съ третьей—тоже лезгинны безпрестанно дѣлають намъ злодѣянія.“

Положеніе страны было действительно бѣдственное. Несчаст-

(*) Донесеніе Кнорринга государю императору 21-го іюля 1801 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ по департ. общ. дѣлъ.

(**) Изъ рапорта гр. Гуловича государю императору 18-го января 1797 г. Георг. арх. коменд. правленія.

(***) Отъ 11-го октября 1798 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

ные жители, бѣжавшіе, для спасенія жизни, отъ непріятеля, возвратились оплакивать развалины и пепелища своихъ домовъ, опустошенныя селенія, и участь ихъ не была завиднѣе тѣхъ, которыхъ увели въ плѣнъ персіяне. Народъ хотя и занялся хлѣбопашествомъ, какъ главнымъ своимъ промысломъ, но слѣды опустошенія видны были повсюду. Разоренные дома, сожженные и уничтоженные поля, повсемѣстная безпріютница были причиною, что хлѣба едва хватало на прокормленіе собственныхъ жителей, а о сбытѣ излишка и поминя не было.

Плодородная земля Грузіи, при хорошемъ устройствѣ и хозяйствѣ, могла бы давать богатую жатву; но она не вознаграждала труда земледѣльца при тогдашнемъ политическомъ и административномъ устройствѣ страны. Народъ, отягощенный разными поборами какъ отъ царствующаго дома, такъ и отъ князей и дворянъ, зналъ, что собранные плоды въ большей части случаевъ не принадлежать ему, что, привезя свои произведенія въ городъ, онъ рискуетъ тѣмъ, что они будутъ отняты безденежно княземъ или царевичемъ (*). Напрасная трата труда и врожденная лѣность грузинъ, желавшихъ лучше скитаться нищими, чѣмъ работать, окончательно убивали всякую производительность въ краѣ, разоряемомъ постоянными вторженіями лезгинъ, уничтожавшихъ засѣянные поля и уведившихъ людей въ рабство.

Разоряемая извнѣ, Грузія не имѣла и внутренняго порядка въ управленіи.

«Всѣ чины здѣсь наследственны—доносилъ Лазаревъ—невзирая на достоинство людей, почему и видно много людей не на своихъ мѣстахъ: управленіе городовъ и селъ препоручается такъ называемымъ моуравамъ и нацваламъ, кои елико возможно стараются поскорѣе нажиться, невзирая, что терпятъ отъ того ихъ подчиненные, ибо никакой чинъ не увѣренъ въ своемъ мѣстѣ и владѣніи. Все дѣлается по баратамъ: такъ называются выдаваемые отъ царя повелѣнія, кои нигдѣ не записываются, и оттого выходитъ, что сегодня отдадутъ одному, а завтра то же имѣніе или мѣсто другому; все правосудіе у нихъ отдается словесно и, сколько могъ я примѣтить, либо по пристрастію, либо по праву сильнаго, и часто видны немущіе защиты совсѣмъ ограбленными. Товары отъ купцовъ, съѣстные при-

(*) Замѣчанія Лазарева о Грузіи. Акты кавк. археогр. ком., т. I, стр. 186.

пасы отъ промышленниковъ, все берется безденежно, по баратамъ, выдаваемымъ всѣми царевичами, всѣми царевнами и, наконецъ, всѣми кому, какая должность препоручена. Жалованья никакой чинъ не имѣетъ, а всякій долженъ кормиться отъ своего мѣста, и отъ того еще больше терпятъ и купецъ, и мѣщанинъ, и поселянинъ, и, однимъ словомъ, всякій.»

При такихъ условіяхъ, нужны были сильный характеръ и твердая воля, чтобы привести все въ порядокъ. Ни того, ни другаго не имѣлъ новый царь Грузіи.

Болезнь Георгія и самый характеръ его были вредны для страны и клонили царство къ разрушенію. Вспыльчивый до крайности, царь былъ весьма добраго и слабаго характера. Не имѣя той настойчивости, которая необходима человѣку въ его положеніи, онъ былъ болѣнъ, рѣдко оставлялъ свою комнату и почти никогда не показывался народу.

Будучи еще царевичемъ, въ молодыхъ годахъ, Георгій любилъ сладко и много покушать, что и повело къ началу, а впоследствии и къ развитію его болѣзни.

«Царевичу—пишетъ его современникъ (*)—понесли огромное блюдо плова и изряднаго барашка, начиненнаго пряными кореньями и рубленнымъ мясомъ съ разными приправами. Тутъ въ первый разъ еще случилось мнѣ увидѣть сего царевича. Онъ, по азіатскому обычаю, сидѣлъ на полу на коврѣ и однимъ тѣмъ уже былъ примѣтенъ, что я не видалъ никогда никого, кто бы могъ поровняться съ нимъ въ тучности. На ужинъ хотя и привесли ему такую же порцію, но онъ, къ чрезвычайному моему удивленію, замѣтилъ мнѣ недостатокъ въ присылаемомъ ему продовольствіи.»

Очевидцы рассказываютъ, что Георгій, будучи уже царемъ Грузіи, сохранилъ свою привычку и страсть хорошо поѣсть.

Обыкновенно, если онъ оставался доволенъ обѣдомъ, то призывалъ къ себѣ повара и, доставъ изъ кошеля или изъ длиннаго кисета, висѣвшаго всегда на поясѣ, абазъ, дарилъ его виновнику своего удовольствія.

Отъ чрезмѣрно-большаго употребленія пищи царь скоро почувствовалъ одышку и тѣсоту въ груди, а впоследствии у него образовалась водяная, припадки которой часто подвергали

(*) Артемій Араратскій, изд. 1813 г., ч. II, стр. 17.

жизнь его опасности (*). За неимѣніемъ врачей въ Тифлисѣ, царя пользовали католическіе ксендзы и другіе туземные лекаря, изучившіе медицину на практикѣ.

Не выходя нигуда изъ комнаты, Георгій передалъ управленіе царства своимъ приближеннымъ и родственникамъ. Зная слабость характера царя, они воспользовались этою передачею и стали преслѣдовать личные свои интересы. Царю докладывали то, что считали необходимымъ и выгоднымъ для себя; его именемъ злоупотребляли повсюду.

Народъ былъ часто обременяемъ различнаго рода податями, собираемыми какъ бы по приказанію царя, который и не подозрѣвалъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя дѣлались его именемъ (**).

Скоро царь совершенно устранилъ себя отъ управленія царствомъ. Въ августѣ 1800 г., въ одномъ изъ писемъ Кноррингу, Георгій чистосердечно сознавался въ маломъ своемъ значеніи въ Грузіи: „всякое по нашему царству распоряженіе — писалъ онъ — ввѣрено министру (Коваленскому) и сыну нашему Іоанну: то письма тѣ ими рассмотрѣны, а что было въ нихъ писано, о томъ увѣдомить васъ министръ“. Царь признавалъ даже безполезнымъ читать какія бы то ни было письма.

Грабежи и безчинства исполнителей царской воли достигли до исполнскихъ размѣровъ. Тѣлохранители и лезгинны, призванные Георгіемъ, своевольничали не только въ провинціи, но и въ самомъ Тифлисѣ дозволяли себѣ производить грабежи и насилія. Однажды они встрѣтили на улицѣ протопопа анчисхатскаго собора, Соломона Алексѣева, сняли съ него шапку и ругались надъ нимъ.

„Алексѣевъ явился къ царю и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ укорялъ Георгія, что онъ, призвавъ лезгинъ, предалъ народъ и служителей церкви, въ христіанскомъ городѣ, на порученіе магометанъ.“ (***)

Георгій приказалъ позвать къ себѣ начальниковъ наемнаго войска. Тѣ явились, окруженные 80-ю тѣлохранителями. Царь сначала бранилъ ихъ, но потомъ до того увлекся, что, забывъ свою болѣзнь, вскочилъ съ постели, схватилъ дубину и сталъ

(*) Изъ донесенія Кнорринга государю императору 7-го октября 1800 г. Тифлисскій арх. главн. шт. кавказской арміи.

(**) Лазаревъ Кноррингу 24-го января 1801 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

(***) „Кавказъ“ 1846 г., № 33.

бить главнаго начальника лезгинъ. Устрашенные начальники и ихъ тѣлохранители бѣжали изъ комнаты отъ запальчиваго царя, преслѣдовавшаго ихъ дубиной. Боясь гнѣва и преслѣдованій царскихъ, всѣ лезгинны, бывшіе въ Тифлисѣ, ушли на нѣкоторое время изъ города за Авлабарскія ворота.

Минутная вспышка проходила; царь смягчался, и прежніе безпорядки и своеволія вступали въ свои права.

Царица Марія, супруга Георгія, по совѣтамъ и наущеніямъ своего отца, князя Циціанова, человека жаднаго и алчнаго, будучи нѣжно любима мужемъ, часто обременяла народъ своими требованіями и налогами.

Георгій, при всей своей личной добротѣ и желаніи добра своему народу, былъ не любимъ грузинами.

Сынъ и наследникъ его, царевичъ Давидъ, заботился исключительно о своихъ выгодахъ и также не вмѣшивался въ дѣла. Желанный на армянкѣ, противно народному обычаю, онъ былъ не любимъ князьями; если же и имѣлъ нѣсколькихъ приверженныхъ, то изъ такихъ лицъ, которыя надѣялись на его милости какъ будущаго царя, но не были преданы ему чистосердечно.

Царевичъ Иванъ, человекъ болѣе другихъ положительный и серьезный, удался также отъ всякаго вмѣшательства въ управленіе краемъ, несмотря на то, что пользовался наибольшимъ довѣріемъ Георгія. По обычаямъ страны, каждый изъ царевичей соблюдалъ свою собственную пользу, а не государственную. Удалившись въ свои деревни, царевичи старались сколько возможно болѣе ихъ распространять, не стѣняясь и въ томъ случаѣ, если бы распространеніе это было сопряжено съ захватомъ чужой собственности или съ обидою ближняго.

Царевичи Багратъ и Теймуразъ хотя и были совершеннолѣтніе, „но весьма имѣютъ — доносилъ Лазаревъ — по лѣтамъ молодая мысли“. Младшій царевичъ, Михаилъ, которому было тогда шестнадцатый годъ, оставался безъ всякаго воспитанія и занимался заведеніемъ регулярнаго войска. Собравъ изъ своихъ сверстниковъ роту егерей, онъ присматривался къ ученію нашихъ солдатъ и потомъ, по образцу ихъ, обучалъ своихъ однолѣтковъ.

Сознавая свою слабость и немощь, Георгій сознавалъ также, что одинъ, безъ посторонней помощи, не можетъ ничего сдѣлать для пользы народа, имъ управляемаго.

По мнѣнію всѣхъ, скорая, сторонняя и, если возможно, безкорыстная помощь была необходима Грузіи. Въ кругу своихъ сосѣдей Георгій не могъ найти для себя ни помощи, ни поддержки. Одна Россія, по своему единовѣрію и безкорыстію, могла явиться избавительницею Грузіи; одна она могла помочь горькой долѣ грузинъ, разоряемыхъ сосѣдами и собственными князьями. Къ ней-то съ просьбою и обратился Георгій.

Князь Герсеванъ Чавчавадзе, хорошо знавшій дорогу въ Петербургъ, отправленъ былъ къ императору Павлу, въ качествѣ полномочнаго министра, съ письмомъ, извѣщавшимъ о вступленіи Георгія на престолъ, и съ просьбою о покровительствѣ ему и сыну-наслѣднику его Давиду (*).

Царь Грузіи не жалѣлъ словъ для того, чтобы расположить къ себѣ императора Павла и обратить на себя его вниманіе. Онъ писалъ, что съ раннихъ лѣтъ желалъ повергнуть себя „священнымъ стопамъ“ русскаго императора, но что до сихъ поръ мѣшали тому многія обстоятельства. „Нынѣ зрю васъ моимъ государемъ—писалъ Георгій—моимъ монархомъ и уповаю, что простертая руки мои отвергнуты не будутъ.“

Царь просилъ не лишать его и сына его Давида, служившаго тогда въ русской службѣ, тѣхъ милостей, которыя обѣщаны были его отцу Ираклію Теймуразовичу и послѣ котораго принялъ онъ законное наслѣдство.

Георгію нуженъ былъ рѣшительный шагъ для спасенія отечества; полумѣры могли быть скорѣе пагубны, чѣмъ полезны, для устройства страны и обезпеченія народа отъ новыхъ разореній.

Царь желалъ и долженъ былъ получить окончательный отвѣтъ отъ императора Павла; желалъ знать, будетъ ли согласна Россія оказать дѣйствительную помощь Грузіи, или нѣтъ.

Въ случаѣ отказа нашего двора, Георгій думалъ обратиться къ другой державѣ и отозвать изъ С.-Петербурга князя Чавчавадзе.

„Если отъ васъ не приплюются знаки (инвеституры) — писалъ монахъ Евфимій князю Чавчавадзе—то царь все-таки помажется муромъ.“ (**)

Русское правительство не успѣло еще дать отвѣта на

(*) Письмо Георгія государю императору 30-го іюля 1797 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ. См. также Константинова, ч. II, 99 (рукопись).

(**) Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

просьбы Георгія, когда въ Петербургъ получено было свѣдѣніе о возможности новаго вторженія персіянъ въ Грузію и о разореніяхъ подобныхъ произведеннымъ въ 1795 г. Въ іюнѣ прибылъ въ Тифлисъ посланный изъ Персіи съ фирманомъ шаха. По первымъ извѣстіямъ, не выдавъ еще посланнаго и не зная о цѣли его присылки, Георгій поспѣшилъ сообщить о томъ нашему правительству. Царевичъ Давидъ просилъ князя Чавчавадзе дать средства Грузіи защитить себя отъ новыхъ покушеній персіянъ и думалъ, что, въ противномъ случаѣ, они или совсѣмъ разорятъ Грузію, или принудятъ покориться ихъ повелителю (1). Самъ Георгій предполагалъ, переговоривъ съ персидскимъ посланнымъ, отправить къ шаху своего тестя, князя Цицанова, съ подарками (2), а князя Георгія Авадова въ Петербургъ, съ новою просьбою (3): 1) о поставленіи вѣчной присяги; 2) о пожалованіи въ помощь царю 5,000 человекъ русскаго войска, съ тѣмъ, что черезъ пять лѣтъ, когда царь поправится, то оставить въ Грузіи только 500 человекъ, съ единственною цѣлію сдѣлать всѣмъ извѣстнымъ о покровительствѣ Россіи.

Угрозы персіянъ принесли значительную пользу Грузіи. По первымъ извѣстіямъ о новомъ покушеніи персіянъ, петербургскій кабинетъ поторопился дать категорическій отвѣтъ на просьбу царя грузинскаго и заявилъ о принятіи Грузіи подъ покровительство Россіи.

Императоръ Павелъ, поздравляя Георгія съ восшествіемъ на престолъ, обѣщавъ, по полученіи отъ него просьбы объ утвержденіи его на тронѣ, отправить къ нему своего министра съ знаками царской инвеституры, и высказывалъ свою надежду, что Георгій, вмѣстѣ съ престоломъ, наслѣдуетъ и ту вѣрность, которую сохранялъ къ русскому императору покойный его отецъ (4).

Генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, командовавшій кавказскою дивизіею, получилъ приказаніе внушить Георгію, что отъ степени сохраненія имъ вѣрности къ нашему правительству и отъ принятаго имъ поведенія относительно Персіи зависѣть будетъ дальнѣйшее покровительство Россіи.

(1) Тамъ же.

(2) Письмо царевича Давида къ С. Л. Лашкареву 21-го іюля 1798 г.

(3) Письмо монаха Евфимія князю Чавчавадзе.

(4) Рескриптъ Георгію 23-го августа 1798 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ. Т. LIV. Отд. II.

Получивъ разрѣшеніе и отвѣты на свои первыя просьбы, Георгій отправилъ къ князю Чавчавадзе новую просьбу, которая и была вручена императору Павлу самимъ посломъ грузинскимъ.

— Великій императоръ (*), покровитель и защитникъ царства Карталинскаго и Кахетинскаго и обладатель многихъ другихъ — говорилъ князю Чавчавадзе, передавая просьбу — я, вѣрно-подданный Вашего Императорскаго Величества, удостоенъ будучи счастья отъ царя моего Георгія Иракліевича и отъ всѣхъ подвластныхъ ему народовъ припасть въ лицѣ его къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, по долгу моему дерзаю просить осчастливить его утвержденіемъ на ономъ царствѣ, какъ законнаго преемника, съ возложеніемъ на него царскихъ знаменъ, и продолжать къ нему и ко всѣмъ народамъ ваше благоволеніе. Сии же подносимыя мною прошенія удостойте высокомонаршаго воззрѣнія.

Царь Грузіи просилъ утвердить его на престолѣ и обезпечить на столько, чтобы онъ не имѣлъ нужды въ помощи ни отъ какого другаго двора; чтобы наследникомъ престола утвердить сына его Давида, *„и напередъ обнадѣжить обѣщаніемъ, чтобы преемники мои имѣли вѣчное и непоколебимое царствованіе въ Грузіи, а другой никто бы къ внутреннимъ моимъ распоряженіямъ не касался и какъ къ дворцанамъ, такъ и ко всѣмъ подданнымъ моимъ, безъ собственной моей воли дѣла не имѣлъ“* (**). Это была существенная и самая важная часть прошенія. Утвержденіе и согласіе на эту просьбу окончательно упрочивали Георгія на грузинскомъ престолѣ и устанавливали послѣдній наследственнымъ въ родѣ царя. Царю Грузіи недостаточно было одного признанія его царемъ: ему необходимо было признаніе престола наследственнымъ въ его родѣ. Завѣщаніе Ираклія не было извѣстно большинству народа. Вопросъ объ измѣненіи престолонаслѣдія, рѣшенный въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ царскаго семейства и извѣстный только немногимъ князьямъ, содержался въ тайнѣ, подъ сѣдломъ. Мы видѣли, что попытка сдѣлать гласнымъ какое бы то ни было измѣненіе въ престолонаслѣдіи не удалась; что народъ, которому предложено было признать Дарью за царицу и упоми-

(*) Речь кн. Чавчавадзе. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Переводъ прошенія царя Георгія отъ 11-го октября 1798 г. Арх. мин. иностр. дѣлъ.

нать ея имя прежде царя, отозвался несочувственно къ этому предложенію и придерживался скорѣе старому, чѣмъ новому порядку вещей. Георгій не могъ не видѣть, что признаніе русскаго императора его — царемъ, а Давида — наследникомъ, окончательно убѣдитъ народъ въ справедливости правъ царя и его рода. Не находя поддержки и опоры ни въ собственномъ семействѣ, ни въ кругу близкихъ родныхъ, понятно, почему онъ такъ добивался этого признанія. Завѣщаніе, оставленное Иракліемъ о престолонаслѣдіи, теряло тогда свою силу и значеніе.

Указывая на своихъ предковъ, всегда бывшихъ вѣрными Россіи, грузинскій царь обѣщался превзойти ихъ въ вѣрно-подданническомъ чувствѣ. Онъ просилъ обо всѣхъ важныхъ дѣлахъ доносить не командующему на кавказской линіи, а прямо нашему правительству, черезъ своего министра, бывшаго въ С.-Петербургѣ. Георгій ссылался на то, что Ираклій, отъ такихъ сношеній съ командующими кавказскою линіею, имѣлъ весьма медлительное теченіе дѣлъ и, не получая скорой помощи, много потерпѣлъ отъ нашествія въ Грузію Аги-Магометь-хана и отъ разоренія Тифлиса.

Въ обезпеченіе же отъ подобныхъ происшествій на будущее время, Георгій просилъ прислать ему 3,000 „россійскихъ солдатъ, съ оружіемъ и со всею воинскою принадлежностію“. „Когда въ Грузіи — писалъ Георгій императору Павлу — бывали побѣдоносныя русскія войска, то всегда злые люди, разными выдумками своими, производили между начальниками ихъ и нашими вражду, почему прошу повелѣть будущему надъ онымъ войскомъ командиру имѣть дѣло только со мною или кому отъ меня поручено будетъ.“

Царь просилъ, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо непріязненныхъ дѣйствій со стороны сосѣдей, приказано было командующему кавказскою дивизіею, по первому увѣдомленію, двинуть въ Грузію 7,000 войска, не испрашивая на то предварительно повелѣнія нашего правительства.

Не дождавшись полученія отвѣта на просьбы объ утвержденіи Георгія царемъ грузинскимъ, посольство его получило новое побужденіе изъ Грузіи похлопотать о скорѣйшемъ рѣшеніи императора Павла.

„Не безызвѣстна вамъ пословица грузинская — писалъ ца-

ревичъ Давидъ (1) — что всякія дѣла должны быть въ свое время употребляемы, а въ другомъ случаѣ они не заслуживаютъ вниманія. Нашему царству не соответствуютъ теперь дѣла, водимыя пріемъ.⁴

Дѣйствительно, Грузіи мало было однихъ переговоровъ: ей необходима была фактическая помощь уже и потому, что надлежало отражать безпрерывные набѣги хищныхъ сосѣдей.

Турки своими набѣгами безпрестанно беспокоили народъ. Ахалцыхскій паша съ лезгинами опустошалъ Карталинію (2). Лезгины, проходя черезъ владѣнія Порты Оттоманской, вторгались въ Грузію, разоряли селенія, захватывали въ плѣнъ ея жителей и, имѣя безопасное отступленіе, весьма часто вторгались свои набѣги (3).

Для отвращенія погубеній со стороны Турціи хотя и было послано повелѣніе въ Константинополь нашему посланнику Тамарѣ просить Порту, чтобы она воспретила пашѣ ахалцыхскому дѣлать вторженія въ Грузію и вообще не пропускать по своимъ владѣніямъ лезгинъ, но ходатайство это не увѣчалось успѣхомъ. Паша, находившійся въ весьма слабой зависимости отъ Порты и не обращающій вниманія на приказанія своего правительства, преслѣдовалъ свои корыстолюбивыя виды, соединенныя съ грабительствомъ сосѣдей. Въ сентябрѣ 1798 года онъ снова вторгнулся въ Грузію (4) и успѣлъ захватить въ плѣнъ князя Цицанова, за котораго требовалъ три тысячи рублей выкупа.

Георгій просилъ опять защитить его отъ этихъ вторженій, и если самъ онъ приметъ мѣры къ защитѣ своего народа отъ своеволия ахалцыхскаго пашы, то „не считать его въ томъ виновнымъ“ противъ нашего правительства.

Ко всѣмъ этимъ неустройствамъ страны присоединялась боязнь отъ вторженія персіянъ, которые, по свѣдѣніямъ, предполагали сосредоточить свои войска около озера Гохча, лежащаго между Грузіею и Эриванскою областію. Сосредоточеніе въ этомъ пунктѣ могло быть объяснено только желаніемъ вторгнуться въ Грузію. Царевичъ Давидъ требовалъ отъ князя Чавчавадзе „какого-нибудь полезнѣйшаго совѣта и спрашивалъ

(1) Кн. Чавчавадзе отъ 3-го февраля 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(2) Письмо царевича Давида Лашкареву 21-го іюля 1798 г. Тамъ же.

(3) Рескриптъ императора нашему посланнику въ Константинополь отъ 2-го ноября 1798 г. Тамъ же.

(4) Донесеніе гр. Маркова государю императору сентября 1798 г.

его, какъ поступить, чтобы избѣгнуть той участи, которой они подверглись отъ вторженія Аги-Магометъ-хана⁴. „Повѣрь мнѣ—писалъ царевичъ (*)—что если всероссійскія войска, могущія намѣренію его противоборствовать, въ скоромъ времени не явятся въ Грузію, то сомнительно, чтобы дѣлъ его не увѣчалась успѣхомъ.“

Эти-то причины и заставляли Георгія побуждать князя Чавчавадзе къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на него порученія. Грузинскій посоль уполномоченъ былъ просить еще о томъ, чтобы съ войсками русскими, которыя будутъ отправлены въ Грузію, не посылать грузинъ, находившихся въ нашей службѣ; предоставить царю право, въ случаѣ надобности, посылать русскія войска отражать набѣги сосѣднихъ владѣльцевъ и тѣмъ держать ихъ въ повиновеніи; царевичу Давиду пожаловать орденъ св. Александра Невскаго, по примѣру того, какъ самому Георгію пожалованъ былъ этотъ орденъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ; меньшему же сыну, Іоанну, пожаловать орденъ св. Анны; супругу его, царицу Марію, наградить орденомъ св. Екатерины, и, наконецъ, возвратитъ въ Грузію крестъ св. Нины (**).

Въ отвѣтъ на просьбы царя грузинскаго и его полномочнаго министра, повелѣно было генералъ-маіору князю Уракову, командовавшему кавказскою линіею, вмѣсто исключеннаго изъ службы генералъ-лейтенанта Киселева, приготовить егерскій Лазарева полкъ къ выступленію въ Грузію (***). Съ полкомъ же должна была быть отправлена и артилерія, пожалованная еще Ираклію императрицею Екатериною II.

По договору, заключенному нашимъ правительствомъ съ Иракліемъ въ 1783 году, положено было имѣть при дворѣ царя грузинскаго полномочнаго министра или резидента. До 1799 года условіе это не исполнялось. Когда же возникли частыя сношенія съ Грузіею и царь ея настоятельно требовалъ какъ помощи Россіи, такъ и соблюденія заключеннаго договора, то, для удобства сношеній, петербургскій кабинетъ рѣшилъ назначить ко двору царя грузинскаго своего полномочнаго министра.

Статскій совѣтникъ Коваленскій назначенъ отъ нашего дво-

(*) Кн. Чавчавадзе 3-го февраля 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Переводъ ноты грузинскаго посла отъ 16-го декабря 1798 г.

(***) Рескриптъ кн. Уракову 23-го февраля 1799 г.

ра на всегдашнее пребываніе въ Грузіи, въ качествѣ министра. Съ нимъ отправлены ордена для царской фамиліи и знаки инвеституры на царское достоинство.

„Пріемля съ благодарностію—писалъ императоръ Павелъ въ отвѣтъ на просьбы Георгія (*)—просьбу вашу, на основаніи третьей статьи трактата, утверждаемъ васъ нынѣ преемникомъ оному царства, а сына вашего Давида будущимъ по васъ наследникомъ.“

Такъ какъ корона, которою вѣнчали себя всѣ преемники грузинскаго престола, была похищена во время нашествія Аги-Магометъ-хана на Тифлисъ, то императоръ Павелъ отправилъ съ Коваленскимъ новую корону и прочіе знаки инвеституры: знамя, саблю, повелительный жезлъ, тронъ и мантию „горностаевую“.

Русскій императоръ просилъ Георгія, по полученіи всѣхъ знаковъ, присягнуть „на вѣрность и усердіе“ въ Русской имперіи и къ признанію верховной власти и покровительства російскихъ императоровъ. Что же касается до возвращенія въ Грузію креста св. Нины, то Павелъ предоставилъ обратиться къ внуку супруги царевича Бакара, князю Георгію Грузинскому, у котораго онъ находился (**).

Получивъ такой отвѣтъ, князь Чавчавадзе просилъ позволенія отправиться самому въ Грузію, чтобы присутствовать при присягѣ на вѣрность Россіи, которую царь „торжественно

(*) Утвердительная грамота царю Георгію отъ 18-го апрѣля 1799 г. Тифлисскаго арх. канц. намѣстника.

(**) „Отъ имени всего народа грузинскаго, осмѣливаюсь симъ моимъ прошеніемъ угрождать вашу свѣтлость, писалъ князь Чавчавадзе канцлеру. — Во время отъѣзда моего изъ Грузіи, всѣ тамошніе жители поручили мнѣ всуиженнѣйше просить о милостивомъ исходатайствованіи имъ неоставленіи ихъ въ слѣдующемъ: лѣта 312 по Р. Х., во время царя Миріана-Хозрои, св. Нина принесла крестъ Спасителя нашего, концы и обратила всю область нашу отъ идолопоклонства въ православіе.

„Оный крестъ, по переходѣ изъ Грузіи въ Россію блаженной памяти грузинскаго царя Вахтанга, грузинскимъ архіереемъ Романосомъ, тайно изъ Грузіи увезенъ сюда и отданъ сестрѣ его Аннѣ Егоровнѣ, супругѣ Бакара-царевича, и до днесь находится въ домъ ея, у внука помянутой княгини, князя Егора Грузинскаго. Чего ради всѣ тамошніе жители всуиженнѣйше просить о возвращеніи того креста Господни грузинскому народу, яко святыни, покровительствующей его и которая по всей справедливости ему слѣдуетъ во всегдашнее его наследіе...“

Канцлеръ предложилъ царевичу возвратитъ этотъ крестъ; но Бакаръ отозвался, что, имѣя неоспоримое право, полученное отъ предковъ, не можетъ его отдать. (См. ноту къ Чавчавадзе отъ 8-го декабря 1798 г. Письмо Лопухина Кочубею 5-го апрѣля 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.)

учинить должень, яко при дѣянїяхъ рѣдкихъ и кои вѣкомъ совершаются, и дабы при оныхъ, какъ я уже нѣсколько лѣтъ нахожусь при высочайшемъ дворѣ, что-либо нужнаго въ сохраненіи обрядовъ упущено не было“ (**).

По прибытіи въ Тифлисъ, Коваленскій должень былъ, послѣ церемоній и врученія царю кредитивной грамоты, посѣтить всѣхъ дѣтей и родственниковъ царя, предварительно пославъ къ нимъ драгомана (**).

На обязанность его возложено наблюдать за поступками царицы Дарьи, супруги умершаго царя Ираклія, которая, по свѣдѣніямъ, легко могла вступить „въ какія-либо сплетни, столь въ тѣхъ краяхъ свойственныя“, но противныя видамъ нашего правительства. Во всякомъ же случаѣ Коваленскому было приказано оказывать ей и дѣтямъ ея „всю ту учтивость и ласковость, какихъ знаменитость ея и самое родство съ царемъ отъ него (министра) требуютъ“ (***)).

По превратности тамошнихъ владѣльцевъ и нерѣдко по двучичному ихъ поведенію, Коваленскій должень былъ слѣдить за поступками самого царя Георгія. Въ случаѣ присылки къ Георгію посланныхъ отъ Порты Оттоманской или отъ сосѣдственныхъ персидскихъ хановъ и другихъ лезгинскихъ владѣльцевъ съ какими бы то ни было предложеніями и внушеніями, Коваленскій должень былъ стараться достигнуть того, чтобы царь совѣтовался съ нимъ какъ относительно своихъ отвѣтовъ, такъ и принимаемаго поведенія.

Министръ нашъ должень былъ заботиться о распространеніи православной нашей церкви, о просвѣщеніи грузинскаго народа и объ уничтоженіи въ правленіи страны лютой, разврата и безначалія, существовавшихъ между персидскими и другими азїатскими владѣтелями. При содѣйствіи нашихъ офицеровъ отправляемаго въ Грузію егерскаго полка, стараться завести регулярное грузинское войско, могущее противостоять, въ случаѣ нужды, „необузданнымъ и многочисленнымъ толпамъ персидскимъ“, и не упускать изъ вида благосостоянія нашихъ

(*) Нота Чавчавадзе министерству 15-го февраля 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Инструкція Коваленскому 16-го апрѣля 1799 г. Тифлисскаго арх. канц. намѣстника.

(***) Отвѣтная нота министерства Коваленскому 31-го мая 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

войскъ и подданныхъ, находившихся, по разнымъ случаямъ, въ Грузіи.

Собственное поведеніе посланнаго и всей его миссіи должно было клониться къ пріобрѣтенію довѣренности и любви грузинскаго народа и къ доказательству расположенія къ нему русскаго императора.

Получивъ инструкцію и кредитивную грамоту (1), Коваленскій принялъ, для доставленія въ Грузію, знаки царской инвеституры, орденъ св. апостола Андрея (2), орденъ св. Екатерины, назначенный царицѣ Маріи (3), и орденъ св. Анны—царевичу Давиду (4), и другіе подарки (5).

Съ отправленіемъ въ Грузію нашихъ войскъ, являлся вопросъ о томъ: въ какой зависимости и отношеніяхъ къ царю

(1) Кредитивная грамота царю карталинскому и кахетинскому 26-го апрѣля 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(2) Рескриптъ царю Георгію 19-го мая 1799 г. Тамъ же.

(3) Рескриптъ царицѣ Маріи отъ 7-го апрѣля 1799 г. Тамъ же.

(4) Рескриптъ царевичу Давиду отъ того же числа.

(5) Съ Коваленскимъ были отправлены:

Царская корона, золотая, обсыпанная жемчугами изърѣдка;
Скипетръ, тоже изърѣдка обсыпанный.
Сабля, оправленная золотомъ, богато обсыпанная.
Порфира царская, малиноваго бархата, подбитая горностаемъ, съ хвостиками; на ней вышиты гербы русскіе и грузинскіе.
Бѣлый штандартъ съ двуглавымъ орломъ, въ серединѣ коего гербъ русскій.
Тронъ малиноваго бархата съ позументомъ, обложенный широкимъ золотымъ позументомъ, съ большими золотыми кистями и съ такими же тремя подушками.
Внутри трона гербъ грузинскій, а около и по сторонамъ гербы русскіе.

Къ трону два столика, покрытые такимъ же бархатомъ, съ позументомъ и кистями.

Для столиковъ по одной подушкѣ, на кои положатся регалии, т. е. на одномъ корона и скипетръ, а на другомъ высочайшая грамота и сабля.

Три ордена, амазами украшенные, изъ коихъ св. апостола Андрея Первовааннаго его высочеству царю Георгію Иракліевичу; св. великомученицы Екатерины ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ; св. Анны 1-го класса наследнику цесаревичу Давиду.

Сверхъ того, вещи всемізостивѣйше жадуемыя:

Ея высочеству царицѣ Маріи Георгіевнѣ букетъ золотой съ брилліантами и русское богатое платье, опущенное широко горностаемъ, съ хвостиками.

Семи сѣновьямъ ихъ высочествъ по одному богатому перстню, а восьмому часу золотые съ жемчугомъ.

Двумъ дочерямъ: Гаянѣ—золотые часы съ брилліантами и золотою цѣпочкою, и Тамарѣ—перстень брилліантовый.

Духовнику его высочества, архимандриту Евфимію—крестъ золотой съ аквамаринами, брилліантами и золотою цѣпочкою. Зятю цареву, кн. Ваграціону—золотая табакерка подъ эмалью съ живописью и брилліантовою личинкою. Тестю царя, кн. Циціанову—перстень съ большимъ гранатомъ, обсыпанный брилліантами. (См. реестръ вещей, отправленныхъ царю. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.)

они должны находиться? Можетъ ли Георгій употреблять ихъ по своему произволу и нуждамъ, или онъ долженъ сноситься предварительно съ Коваленскимъ? Если разрѣшено будетъ Георгію употреблять наши войска по своему усмотрѣнію, то какъ далеко простирается это разрѣшеніе? и, наконецъ, что дѣлать нашимъ войскамъ въ случаѣ вторженія персіянъ въ Грузію?

„На сіе министерство сообщаетъ, что войско русскіе посылается въ Грузію единственно для показанія, что царь состоитъ подъ высокимъ покровительствомъ Россійской имперіи; что число онаго само по себѣ, конечно, недостаточно противостать персіянамъ, въ случаѣ нападенія ихъ на Грузію, но когда грузины со своей стороны сдѣлаютъ усилія, то и достаточно быть можетъ. Въ разсужденіи же ожидаемаго вторичнаго нашествія на Грузію, министръ, смотря по обстоятельствамъ, обязанъ доносить о томъ Его Величеству Государю Императору, безъ соизволенія коего войско отнюдь не долженствуетъ выступать изъ предѣловъ Грузіи.“ (*)

V.

Прибытіе Коваленскаго и Лазарева съ полкомъ въ Тифлисъ. — Встрѣча полка и народное къ нему расположеніе. — Торжественное принятіе нашего министра. — Поднесеніе Георгію знаменъ царской инвеституры. — Присяга царя. — Иллюминація Тифлиса. — Неудовольствія, вознившія между Лазаревымъ и Коваленскимъ. — Отправленіе посольства въ С.-Петербургъ. — Слабость страны и несогласія въ царскомъ семействѣ. — Удаленіе царевича Александра въ Персію. — Намѣреніе царицы Дарьи оставить Тифлисъ. — Письмо царицы къ императору Павлу.

Въ маѣ 1799 года статскій совѣтникъ Коваленскій выѣхалъ изъ С.-Петербурга и въ концѣ іюля пріѣхалъ на кавказскую линію, въ станицу Науръ, гдѣ находился инспекторъ кавказской дивизіи, генераль-лейтенантъ Кноррингъ, назначенный вмѣсто князя Уракова въ мартѣ 1799 года (**).

Значительная прибыль воды въ Терекъ остановила навреми дальнѣйшее слѣдованіе Коваленскаго. Изъ Наура онъ сообщилъ Георгію о своемъ прибытіи на кавказскую линію и просилъ царя содѣйствовать какъ его переѣзду черезъ горы, такъ и движенію егерскаго полка, назначеннаго въ Грузію (**).

(*) Отвѣтная нота министерства Коваленскому 31-го мая 1799 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Рескриптъ Кноррингу на нѣмецкомъ языкѣ 2-го марта 1799 г. С.-петербургскій арх. инспект. департ.

(***) Рапортъ Коваленскаго государю императору 23-го іюля 1799 г. Письмо его къ гр. Кочубею того же числа. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

Кноррингъ, имѣя приказаніе государя только приготовить полкъ въ выступленію въ Тифлисъ, по пріѣздѣ Коваленскаго въ Науръ, просилъ императора Павла о дозволеніи отправить полкъ въ Грузію и разъяснить ему, на чѣмъ содержаніи должны находиться войска во все время пребыванія въ Тифлисъ и вообще въ Грузіи; откуда требовать деньги какъ на походъ полка, такъ и на необходимое исправленіе для него дороги. Командующій линією просилъ въ то же время и царя Георгія объ исправленіи дороги отъ Казбека до Тифлиса (1) и о заготовленіи для войскъ провіанта (2).

„Повелѣваю вамъ — писалъ императоръ Павелъ въ отвѣтъ Кноррингу (3)—объявить именемъ Моимъ царю Георгію Иракліевичу, что покуда онъ не исправитъ дороги, по которой долженъ слѣдовать егерскій Лазарева полкъ въ Грузію, до тѣхъ поръ оный полкъ туда не пойдетъ, а хотя уже тамъ и будетъ, но если отъ небреженія дорога опять начнетъ портиться, то тотъ же часъ полкъ изъ Грузіи выведенъ будетъ. Если вами уже нѣсколько издержано на починку дороги, то повелѣваю вамъ ту сумму вытребовать отъ царя Георгія Иракліевича. Касательно же содержанія и провіанта Лазарева полка въ Грузіи, то оное все остается на нашемъ попеченіи. Коль же скоро дорогу исправятъ и время будетъ способно для слѣдованія черезъ горы, то не медля предпишите генералъ-майору Лазареву идти со ввѣреннымъ ему полкомъ....“

По увѣдомленію Кнорринга (4) о распоряженіи императора Павла относительно отправленія русскихъ войскъ въ Грузію, Георгій сталъ дѣятельно исправлять дорогу, которая и была готова къ 12-му октября, по всему пути отъ Тифлиса до Моздока.

13-го числа Лазаревъ получилъ приказаніе начать съ 20-го числа переправу черезъ рѣку Терекъ и, переправившись, слѣдовать въ Тифлисъ. Съ полкомъ отправленъ былъ квартирмей-

(1) Рапортъ Кнорринга государю императору 23-го іюля 1799 г. Московскій арх. инспект. деп.

(2) Провіанта необходимо было ежедневно: 65 пудовъ печенаго хлѣба или 38 пудовъ сушарей; 6 четвериковъ крупы пшеничной или гречишной и суража на 100 лошадей. Письмо Кнорринга Георгію 23-го іюля 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

(3) Въ рескриптѣ отъ 8-го августа 1799 г. С.-петербургскій арх. инспект. деп. Книга № 14.

(4) Письмо Кнорринга царю Георгію 27-го августа 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

стерской части поручикъ Чуйко, на обязанность котораго возложено „составить чертежъ дороги съ ситуациею и планъ Тифлиса съ близлежащими мѣстами“. По прибытіи въ Тифлисъ, Лазаревъ долженъ былъ отдавать царю Георгію всю военную почесть, какая отдается по уставу императору (1), и содержать у него караулъ на такомъ же основаніи.

Вмѣстѣ съ полкомъ выѣхалъ въ Грузію и Коваленскій.

На пути отъ Моздока до Тифлиса, войска встрѣтили много затрудненій, въ особенности при движеніи въ горахъ. Застигнутые въ Кайшаурѣ снѣгомъ и стужею, войска должны были останавливаться или для исправленія обоза или выжидать окончанія мятели. Провіанта было заготовлено весьма недостаточно. Въ Казбекѣ полкъ нашелъ 60 пудовъ заплесневѣвшихъ сухарей, а въ Кайшаурѣ только 16 пудовъ (2).

Царевичъ Вахтангъ оказалъ въ этомъ случаѣ самое дѣятельное содѣйствіе движенію полка. По требованію Лазарева, онъ доставилъ ему чуреконъ на 13 вьючныхъ лошадяхъ. За два перехода до границы Грузіи, царевичъ прислалъ 80 паръ воловъ и устроилъ почти до самаго Тифлиса станціи, на которыхъ выставилъ до 50 лошадей.

Несмотря на затруднительность похода, потерь въ войскахъ не было, кромѣ одного унтеръ-офицера, смертельно раненаго кистинцами, и одного офицера, умершаго въ дорогѣ отъ болѣзни (3).

Послѣ тридцатидневнаго перехода, отрядъ прибылъ въ Тифлисъ, въ которомъ находился уже и Коваленскій, пріѣхавшій туда восемнадцатыя днями ранѣе прибытія полка (4).

26-го ноября, за три версты отъ города, царь Георгій выѣхалъ на встрѣчу нашихъ войскъ, въ сопровожденіи наследника, царевичей и другихъ знатныхъ особъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, находившихся въ Тифлисъ. Болѣе 10,000 народа спѣшило за городъ посмотреть на вступленіе русскихъ войскъ. Всѣ крыши домовъ Тифлиса, имѣвшаго видъ амфи-

(1) Предписаніе Кнорринга Лазареву 13-го октября 1799 г. Тифлисскій арх. главн. шт. кавказской арміи.

(2) Изъ письма Лазарева Кноррингу 22-го декабря 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

(3) Рапортъ Лазарева государю императору 1-го декабря 1799 г. Московскій арх. инспект. деп.

(4) Письмо Коваленскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

театра, наполнены были женщинами, которыя, по однообразной бѣлой одеждѣ и подъ роскошнымъ голубымъ небомъ, освѣщеннымъ солнцемъ, представляли поэтический видъ разсѣянаго по городу лагеря.

Стрѣльба изъ орудій, колокольный звонъ по всемъ церквямъ возвѣщали народу грузинскому о наступившемъ торжествѣ. Движеніе народа, радостныя его восклицанія завершали трогательную картину братскаго приема (*) и искренней къ намъ преданности.

Сопровождаемый меликомъ, за которымъ слѣдовалъ царь со свитою, полкъ вступилъ въ городъ и тотчасъ же былъ снабженъ, по мѣрѣ возможности, всемъ необходимымъ. Лазаретъ для полка—доносилъ Коваленскій—отведенъ „изрядный съ каминами“, вычпщенъ, снабженъ соломою, и заказаны кровати для больныхъ. Дровъ и свѣчей отпускалось первое время достаточно. На устройство въ ротахъ печей Георгій приказалъ брать кирпичъ изъ прежняго своего дворца и снабдить каждую печь квашнею. На другой день по приходѣ полка, царь прислалъ нижнимъ чинамъ 600 литръ (болѣе 150 ведеръ) винограднаго вина (чихиря) и 80 балыковъ. Офицерамъ отведены квартиры лучшія въ городѣ. Чтобы подать примѣръ своимъ вельможамъ, царь предлагалъ каждому изъ штабъ-офицеровъ свое собственное жилище, отъ котораго тѣ, впрочемъ, отказались.

Для продовольствія полка въ Грузіи былъ сдѣланъ запасъ провіанта на одинъ мѣсяцъ впередъ. Царь объявилъ затѣмъ, что, согласно волѣ императора Павла, войска должны сами заботиться о покупкѣ провіанта. Коваленскій просилъ, чтобы грузинское правительство распорядилось заготовленіемъ провіанта въ достаточномъ количествѣ и чтобы цѣны на него были „штатныя“. Георгій отвѣчалъ, что въ эти распоряженія онъ вмѣшиваться не долженъ, хотя и готовъ оказать свое содѣйствіе въ томъ, чтобы войска не терпѣли недостатка. Царь обѣщаль принять мѣры, чтобы вообще не возвышались цѣны на всѣ жизненные потребности и припасы.

Съ приходомъ нашего полка начались церемоніи и празднества въ Тифлисѣ....

5-го декабря, въ аудіенцъ-залѣ царя Грузіи, устроены были

(*) Изъ письма Коваленскаго Кноррингу 2-го декабря 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

балдахинъ и мѣсто для помѣщенія трона, знаковъ царской инвеституры, орденовъ и прочихъ подарковъ, присланныхъ Георгію императоромъ Павломъ. Когда все было приготовлено, Георгій отправилъ къ Коваленскому со своей конюшни лошадей и чиновника со свитою, для сопровожденія нашего министра на приемную публичную аудіенцію къ царю.

Торжественная процесія изъ дома Коваленскаго слѣдовала во дворецъ въ такомъ порядкѣ:

Впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ полицеймейстеръ Тифлиса, а за нимъ полицейскіе нижніе чины шли пѣшкомъ по два въ рядъ.

Одинъ чиновникъ царскій и одинъ свиты Коваленскаго верхомъ; послѣдній правѣе перваго.

Пѣшіе русскіе чиновники несли на блюдахъ: платье, присланное царицѣ Маріи Георгіевнѣ, съ бриліантовымъ букетомъ; тронъ и кресла; саблю царскую, порфиру, скипетръ, корону, ордена: св. Анны, св. Екатерины и св. апостола Андрея Первозваннаго; штандартъ, несомый однимъ изъ оберъ-офицеровъ, по сторонамъ котораго шли два русскихъ асистента, и затѣмъ высочайшая грамота, которою Георгій утверждался на грузинскомъ престолѣ. Шествіе замыкалось двумя чиновниками, ѣхавшими верхомъ: однимъ царскимъ, другимъ—русскимъ, и за ними нѣсколькими полицейскими чинами, шедшими пѣшкомъ.

На дворцовомъ крыльцѣ регалии были встрѣчены секретаремъ нашего посольства, внесены въ особую комнату, поставлены по своимъ мѣстамъ и закрыты.

Девять выстрѣловъ изъ орудій тифлисской крѣпости дали знать народу, что началось парадное шествіе министра во дворецъ.

Главный царскій церемоніймейстеръ отправился тогда за Коваленскимъ, впереди котораго шли музыканты и ѣхали верхомъ по порядку: два тифлисскихъ градоначальника со свитою; главный церемоніймейстеръ царскій, со свитою; чиновникъ нашего посольства; шли десять пѣшихъ служителей Коваленскаго, въ богатой ливреѣ, по два въ рядъ.

Далѣе ѣхалъ секретарь посольства верхомъ, имѣя въ рукахъ кредитивную грамоту императора Павла къ царю Георгію на принятіе Коваленскаго въ качествѣ министра. Самъ Коваленскій ѣхалъ „въ богатомъ кафтанѣ верхомъ, имѣя по обѣимъ

сторонамъ своей лошади двухъ ливрей своей лакеевъ, а по лѣвую сторону, отступя отъ него на два шага, ѣхалъ верхомъ первый чиновникъ царя грузинскаго.

За Коваленскимъ ѣхала его свита; полицейскій офицеръ съ командою замыкалъ это шествіе, непривычное глазу грузинъ, собиравшихся толпою посмотреть на церемонію.

Подъѣхавъ ко дворцу, Коваленскій сошелъ съ лошади у перваго подъезда и былъ встрѣченъ придворными чинами, проводившими его въ аудіенцъ-залу, гдѣ находились: царь Георгій, наследникъ, царевичи и другія знатныя какъ свѣтскія, такъ и духовныя особы, по тамошнему обычаю, одного только мужескаго пола.

Когда Коваленскій вошелъ, царь Георгій всталъ со своего мѣста. Министръ, послѣ двухъ поклоновъ, обратился къ царю съ привѣтственною рѣчью:

— Его Величество Государь Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, высокій сихъ странъ покровитель, для изъявленія передъ всѣми особливаго Своего благоволенія и для удобнѣйшаго вамъ отправления дѣлъ, къ обоюдной пользѣ и благосостоянію служащихъ, соизволялъ содержать при дворѣ вашего высочества Своего министра. Удостоивъ меня какъ званія сего, такъ и свойственной тому довѣренности, назначилъ меня съ надлежащимъ акредитованіемъ въ качествѣ министра Своею высочайшею грамотою, нынѣ отъ меня подносимою.

Коваленскій передалъ грамоту царю Георгію.

— Вступая—продолжалъ онъ—въ дѣстный подвигъ служенія, мнѣ принадлежащаго, первымъ долгомъ поставляю я себѣ за свидѣтельствовать вашему высочеству глубочайшее мое высокопочитаніе и изъяснить, что единый и священнѣйшій предметъ мой есть и будетъ споспѣшествовать всему тому, что можетъ назидать существенное благо особы вашей и вашего отечества, поелику сопряжено то будетъ съ вѣрностію, усердіемъ и преданностію вашего высочества къ моему Государю Императору, коего благоволеніе и покровительство отъ вашего высочества и вашихъ вѣраподанныхъ отъемлемо не будетъ. (*)

— Настоящее торжественное объявленіе ваше—отвѣчалъ Георгій—себя въ качествѣ министра Государя Императора, какъ несомнѣнный знакъ монаршаго ко мнѣ благоволенія, при-

емлю я съ благоговѣннѣйшею признательностію. Еще болѣе возбуждаюсь симъ чувствованіемъ за сдѣланный выборъ въ особѣ вашей, украшенной отличными талантами, ревностію и усердіемъ на пользу высочайшей службы.

— Будьте увѣрены—продолжалъ Георгій—что, съ сохраненіемъ должно сану вашему и личнымъ достоинствамъ уваженія, найдете вы искреннюю съ нашей стороны готовность къ руководствованію вашими предложеніями, сопровождаемую всегда непоколебимою довѣренностію, усердіемъ и преданностію къ Его Величеству, высокому покровителю нашему.

Царь Георгій, пригласивъ Коваленскаго сѣсть на приготовленное для него мѣсто, спрашивалъ о здоровьѣ императора Павла и всей императорской фамиліи, а также и о путешествіи въ Грузію самого министра.

Послѣ непродолжительнаго посторонняго разговора, нашъ министръ приказалъ своему секретарю внести въ аудіенцъ-залу знаки царской инвеституры и обратился къ Георгію съ такими словами:

— Предстоя нынѣ передъ лицомъ вашего высочества въ качествѣ россійскаго министра, имѣю честь торжественно возвѣстить, что всемилостивѣйшій мой государь, на основаніи заключеннаго, въ 1783 году, трактата, утверждая васъ преемникомъ царства, какъ законно вступившаго на прародительскій наследственный престолъ, а старшаго сына вашего, свѣтлѣйшаго царевича Давида Георгіевича, будущимъ по васъ наследникомъ, и препровождая къ вамъ императорскую свою утвердительную грамоту, съ знаками царской инвеституры, соизволяетъ, чтобы священный обрядъ возложенія царскихъ знаковъ, по установленному порядку, совершенъ былъ въ присутствіи моемъ. Сія знаки царской инвеституры и высочайшую утвердительную грамоту, вашему высочеству жалуемые, имѣю честь при семъ представить.

Коваленскій передалъ Георгію знаки и приказалъ снять завѣсу, покрывавшую балдахинъ и тронъ, присланные царю императоромъ.

Принявъ знаки, грузинскій царь отвѣчалъ нашему министру: — Исполненный благоговѣннѣйшихъ чувствованій къ Его Императорскому Величеству за всѣ представляемые отъ васъ знаки монаршихъ ко мнѣ милостей, считаю я себя обязаннымъ принять сіи знаки царской инвеституры не иначе,

(*) Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

какъ сейчасъ же учинивъ присягу на вѣрность и на признаніе покровительства и верховной власти російскихъ императоровъ надъ царями карталинскими и кахетинскими, и сопроводить оную принесеніемъ Господу Богу горячаго моленія о здравіи и благоденствіи Его Императорскаго Величества и всего августѣйшаго Его дома. Но дабы обрядъ сей и изъясненіе живѣйшихъ чувствованій признательности моей къ столь великимъ монаршимъ ко мнѣ милостямъ были совершены торжественно въ храмѣ Божіемъ, съ приличнымъ случаемъ сему празднествомъ и великолѣпіемъ, то и не оставлю я назначить для того особый день и извѣстить васъ о томъ, съ приглашеніемъ къ сей церемоніи.

— Распоряженіе вашего высочества — отвѣчалъ Коваленскій — какъ несомнѣнный знакъ признательности, вѣрности и преданности къ російскому престолу, конечно, будетъ весьма благоугодно Императору. Долгомъ моимъ будетъ присутствовать при совершеніи сего обряда и отдать при семъ случаѣ приличныя почести вашему высочеству отъ войскъ, прибывшихъ въ вашу столицу на всегдашнее пребываніе.

Окончивъ рѣчь, Коваленскій поднесъ Георгію орденъ св. апостола Андрея Первозваннаго вмѣстѣ съ императорскою грамотою. Георгій снялъ бывший на немъ орденъ св. Александра Невскаго и возложилъ на себя знаки ордена Андрея Первозваннаго. Поздравивъ Георгія, министръ поднесъ ордена наследнику Грузіи, царевичу Давиду, и передалъ царю письмо вице-канцлера, при которомъ были присланы подарки прочимъ лицамъ царской фамиліи.

Царица Марія, неприсутствовавшая на аудіенціи, приняла Коваленскаго во внутреннихъ своихъ комнатахъ. Отмѣнивъ на этотъ разъ азіатскій обычай, по которому она должна была быть подъ покрываломъ, царица встрѣтила нашего министра, окруженная многими дамами, одѣтыми въ богатыхъ платьяхъ. Коваленскій, послѣ привѣтствія, поднесъ ей знаки ордена св. Екатерины и по просьбѣ Георгія самъ возложилъ ихъ на царицу. Имъ же надѣтъ былъ и перстень, присланный въ подарокъ меньшей дочери царской, царевнѣ Тамарѣ.

Въ десять часовъ утра, 12-го декабря, стали собираться во дворецъ знатнѣйшія особы и князья грузинскіе; туда же отправился и нашъ министръ со своею свитою. Царь Георгій, предшествуемый своими чиновниками, несшими знаки цар-

ской инвеституры, отправился въ церковь въ сопровожденіи царицы, одѣтой въ присланное ей платье. За ними, немного позади и съ правой стороны, шелъ Коваленскій, а съ лѣвой царевичъ Давидъ, наследникъ грузинскаго престола. Войдя въ церковь и отслушавъ литургію, Георгій приказалъ одному изъ почетныхъ лицъ прочесть громкозвучно грамоту, утверждающую его на престолѣ, и по выслушаніи ея началъ присягу.

— Азъ, нижепоименованный—произносилъ онъ громко передъ народомъ (*)—объясняю и клянусь передъ всемогущимъ Богомъ, передъ святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хочу и долженъ Императору Всероссийскому Павлу Петровичу и его сыну Цесаревичу и Великому Князю Александру Павловичу и всѣмъ законнымъ преемникамъ того престола быть вѣрнымъ, усерднымъ и доброжелательнымъ, признавая именемъ моимъ и всѣхъ моихъ царства областей на вѣчныя времена высочайшее покровительство и верховную власть надъ мною и моими преемниками, царями карталинскими и кахетинскими. Отвергая надъ мною и владѣніями моими, подъ какимъ бы то титуломъ и предлогомъ ни было, всякое господствованіе или власть другихъ государей и державъ и отвращаясь отъ покровительства ихъ, обязываюсь, по чистой моей христіанской совѣсти, непріятелей Россійскаго Государства почитать за своихъ собственныхъ непріятелей; быть послушнымъ и готовымъ во всякомъ случаѣ, гдѣ на службу Его Императорскаго Величества потребенъ буду, и въ томъ во всемъ не падить живота своего, до послѣдней капли крови. Съ военными и гражданскими начальниками Его Императорскаго Величества обращаться съ искреннимъ согласіемъ, и ежели какое-либо предосудительное пользѣ и славѣ Имперіи дѣло или намѣреніе узнаю, тотчасъ давать знать; словомъ, поступать какъ по единовѣрью моему съ російскими народами и обязанности моей въ отношеніи покровительства и верховной власти прилично и должно.

Возложивъ на себя знаки царской инвеституры, Георгій возвратился во дворецъ, гдѣ, сядя на тронѣ, принялъ поздравленіе отъ нашего министра, своихъ чиновъ и отъ посланцевъ хановъ танжинскаго, шушинскаго и паша ахалцхскаго.

Министръ—писеть Коваленскій—все сіе время занимать

(*) Переводъ присяги, представленный при рапортѣ Коваленскаго государю императору 17-го февраля 1800 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

по царѣ первое мѣсто на правой сторонѣ трона, а наследникъ царскій на лѣвой.⁴

Выстрѣлы изъ крѣпостныхъ орудій, построенныя передъ дворцомъ русскія войска, колокольный звонъ въ теченіе цѣлаго дня, по всѣмъ церквамъ Тифлиса, возвѣщали жителямъ города какъ о присягѣ и обязательствѣ, данномъ царемъ русскому императору, такъ, въ свою очередь, и о надеждѣ на дѣйствительную помощь Россіи. Народъ радовался за себя и за своихъ потомковъ и, надѣясь избѣжать разореній отъ сосѣдей, предавался полному разгулу въ теченіе цѣлаго дня.

Грузины не успѣли въ тотъ же вечеръ иллюминировать городъ, потому что цѣлый день 12-го декабря стояла весьма дурная погода. На слѣдующій вечеръ Тифлисъ былъ иллюминированъ съ „превосходнымъ искусствомъ въ азійскомъ вкусѣ“. Самою лучшею частію иллюминаціи было освѣщеніе разноцвѣтными огнями и фонарями лавокъ, которыми наполненъ городъ. „Каждая изъ нихъ, имѣя свои товары вывѣшенными въ рядкѣ, различно иллюминированная, наполненная сидящими въ ней людьми, представляла нѣчто смѣшанное пекинскій иллюминаціи съ венеціанскимъ карнаваломъ.“ (*)

Царь Георгій, со свитою, также ѣздилъ по городу.

— Нынѣ—говорилъ онъ, встрѣтившись съ Коваленскимъ— послѣ разоренія земли нашей, иллюминація эта во многомъ недостаточна и далека отъ прежнихъ примѣровъ.

— Я ничего болѣе пріятнаго въ этомъ родѣ не видалъ: изображенная на лицахъ всеобщая радость и соучастіе въ настоящемъ празднествѣ есть для меня самая трогательнѣйшая картина, отвѣчалъ министръ.

Окончились церемоніи, празднества, и въ столицѣ Грузіи все пошло обычнымъ, старымъ порядкомъ.

На пришедшій полкъ и вообще на русскихъ грузины смотрѣли какъ на избавителей своихъ и защитниковъ, ниспосланныхъ самимъ Богомъ. Царь лично былъ болѣе чѣмъ кто-нибудь другой преданъ Россіи; онъ желалъ безпрекословно слѣдовать совѣтамъ и указаніямъ ея представителей, жить ея жизнію.

Георгія окружали теперь два представителя Россіи, совершенно различныя по характеру и нравственнымъ качествамъ.

(*) Рапортъ Коваленскаго государю императору 17-го февраля 1800 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

Во главѣ войска, присланнаго на защиту царя, стоялъ генераль-маіоръ Лазаревъ, человекъ прямой, открытый и честный. Коваленскій, представитель политики и внутренняго управления царствомъ, былъ человекъ честолюбивый и властолюбивый. По первымъ свѣдѣніямъ, что онъ будетъ назначенъ министромъ при дворѣ царя, который ищетъ покровительства Россіи и признаетъ надъ собою власть русскихъ императоровъ, Коваленскій уже задался честолюбивыми видами. Онъ ѣхалъ въ Тифлисъ не какъ посредникъ, а какъ губернаторъ или хозяинъ. Слабость страны, мягкость характера Георгія давали видамъ Коваленскаго канву, на которой онъ думалъ вышивать узоры по своему произволу. Зная, что не встрѣтитъ никакого препятствія со стороны туземцевъ къ приведенію въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ видовъ, онъ боялся только посторонняго вліянія какого-либо другаго лица. Начальникъ войска одинъ могъ мѣшать его неограниченному честолюбію и самовластію. Это-то вліяніе онъ и старался уничтожить прежде своего отъѣзда въ Тифлисъ.

Еще въ февралѣ 1799 года, Коваленскій, никогда небывавшій въ Грузіи, незнавшій потребностей страны и характера ея жителей, представилъ уже свой проектъ „объ учрежденіи въ Грузіи регулярнаго войска и о восстановленіи тамъ устройства военнаго дѣла вообще“. (*) Проектъ не былъ принятъ, но цѣль его понятна и ясна какъ нельзя болѣе. Заведеніе регулярныхъ войскъ въ Грузіи устраняло необходимость посланки туда русскихъ войскъ. Коваленскій могъ отправиться тогда въ Тифлисъ одинъ, безъ посторонняго глаза, и вести свои дѣла такъ, какъ ему вздумается. Желаніе это и было причиною къ составленію проекта. Не надѣясь на его осуществленіе и боясь, въ случаѣ отправленія войскъ, занять незавидную роль посредника между начальникомъ войскъ и грузинскимъ правительствомъ (**), Коваленскій наводилъ министерство наше на мысль, что едва-ли при такихъ условіяхъ онъ въ состояніи будетъ исполнить возложенное на него порученіе. Онъ говорилъ, что, по отдаленности края и по „обычной военнымъ людямъ въ чужой землѣ притомливости“, ему трудно будетъ соблюсти равновѣсіе между тремя лицами: царемъ Георгіемъ, начальникомъ войска и имъ самимъ. По мнѣнію автора проекта, самымъ лучшимъ средствомъ и

(*) Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Письмо его къ канцлеру. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

наибольшую пользою было бы переименовать его въ полковника и соединить съ званіемъ министра званіе начальника войскъ. При своей скромности, Коваленскій надѣлся не имѣть прихотливости. „Измѣряя способности свои—писалъ онъ—(*) склонность и охоту въ военной службѣ, смѣло могъ бы я отвѣчать за себя въ неупустительномъ исполненіи дѣла. Соединеніе обѣихъ званій въ моемъ лицѣ, доставивъ мнѣ всю удобность къ ревностнѣйшему прохожденію политическаго моего служенія, много бы способствовало существенной пользѣ самой службы. Милость же повышеніемъ меня въ уравненіи со сверстниками моими, состоящими нынѣ въ старшихъ генералахъ; послужила бы къ вѣщшему меня ободренію.“

Такъ говорилъ и думалъ нашъ министръ тогда, когда не зналъ еще, кто будетъ назначенъ командовать войсками. Коваленскій, боясь имѣть соперника при дворѣ царя грузинскаго, предсказывалъ уже о ссорѣ и несогласіяхъ.

Задавшись первенствующею роллю, Коваленскій хотѣлъ играть первое лицо и представителя. Чуждый народу, онъ думалъ подчинить себя царю Георгію и, скрывшись за его именемъ, самовластно управлять Грузіею.

Не такимъ является генералъ-маіоръ Лазаревъ, начальникъ военного отряда.

Лазаревъ пришелъ въ Грузію въ званіи полковаго командира, безъ всякой претензіи на вмѣшательство въ дѣла страны и изображенія въ своей личности представителя чего-то.

Разный взглядъ на свои обязанности породилъ и различныя послѣдствія. Коваленскій заглядывалъ впередъ, старался приобрѣсти власть и значеніе, а Лазаревъ заботился только о своемъ полкѣ и объ удовлетвореніи его во всемъ необходимымъ.

Для достиженія своихъ цѣлей, Коваленскій долженъ былъ прибѣгать къ неправдѣ и клеветѣ; Лазаревъ могъ дѣйствовать прямо и открыто.

Не получая провіанта и видя, что солдаты въ теченіе шести дней остаются безъ дровъ и безъ крупы и что вмѣсто полевой отпускатся то бобы, то гречкіе орѣхи, то сарачинское шшено, Лазаревъ отправился къ Георгію лично высказать свои нужды.

Зная, что туземные переводчики исполняютъ свою обязанность недобросовѣстно и переводятъ царю вовсе не то, о чемъ

(*) Тамъ же.

имъ говорятъ, Лазаревъ, не стѣсняясь, взялъ съ собою капитана Таганова. Объявивъ Георгію, что полкъ безъ квартиръ, безъ дровъ и безъ каши, онъ не скрылъ, что знаетъ о приказаніи царя отпустить все необходимое, но что приказанія его не выполняются.

— Наши червонцы берутъ адѣсь въ четыре рубля—говорилъ Лазаревъ—а мы получаемъ ихъ за пять. Каждый рядовой нашъ теряетъ двадцать шесть копѣекъ на рубль.

— Я разужаю это—отвѣчалъ царь—но не вижу никакихъ выгодъ, потому что купцы набавлятъ тогда на товары.

— Если вы запретите набавлять на съѣстные припасы, то солдатъ ничего не потеряетъ. Онъ не покупаетъ прочихъ товаровъ. Если мы будемъ платить лишнее за чай, сахаръ и сукно, то намъ все-таки меньше будетъ стоить, чѣмъ платить промѣнъ; солдатъ же будетъ тогда получать свои деньги полностію.

Прямое и откровенное слово Лазарева Коваленскій старался истолковать въ дурную сторону. Онъ укорялъ Лазарева въ невѣжествѣ и неделикатности относительно царя. Георгію онъ совѣтовалъ ни съ чѣмъ не обращаться къ Лазареву и передавать всѣ приказанія черезъ него, министра; Лазареву же передавалъ, что будто Георгій не доволенъ его поведеніемъ и удивляется его холодности. Лазаревъ какъ открытый и прямой человѣкъ, повѣривъ товарищу, послалъ сказать царю, что если ему онъ не нравится, то можетъ просить о замѣнѣ его другимъ.

Коваленскій требовалъ, чтобы ему, какъ представителю Россіи, вызывали караулъ, а Лазаревъ отвѣчалъ, что по уставу статскимъ чести не положено, да и его чину никакой нѣтъ. (*)

Неискренность поступковъ Коваленскаго скоро обнаружилась. Онъ увѣрилъ Георгія, что Лазаревъ ничего не значить и находится въ полной отъ него зависимости, что министру поручено даже заботиться о продовольствіи войскъ и ихъ благосостояніи. Царь сталъ передавать всѣ свои приказанія и распоряженія черезъ Коваленскаго. Лазаревъ не принималъ ихъ и просилъ Кнорринга увѣрить Георгія, что онъ не напралъ, да то онъ—писалъ Лазаревъ—не знаю по чьимъ наговорамъ со-

(*) Изъ письма Лазарева Кноррингу отъ 4-го августа 1800 г. Антъ давн. археогр. пом. Т. I, 125.

мною никакого дѣла имѣть не хочетъ. Я не могу увѣрить его, что отнюдь отъ министра не завишу....⁽¹⁾

Добрыя отношенія между представителями нарушились. Сохраняя сначала наружное уваженіе другъ къ другу при свиданіяхъ и встрѣчахъ, Лазаревъ и Коваленскій заочно дѣйствовали другъ противъ друга и дошли до того, что поссорились окончательно.

Вскорѣ послѣ прибытія въ Тифлисъ полка, Коваленскій успѣлъ убѣдить Георгія въ необходимости преобразовать тифлисскую полицію при содѣйствіи чиновъ полка. Для сохраненія же внутренняго спокойствія въ краѣ, Коваленскій хотѣлъ, чтобы полкъ отъ времени до времени дѣлалъ нѣкоторыя передвиженія. На первый разъ онъ требовалъ отъ Лазарева, чтобы тотъ занялъ двумя или тремя ротами крѣпость Гори, лежавшую на рѣкѣ Куръ, въ 70 верстахъ отъ Тифлиса.

Не имѣя никакого распоряженія и не получивъ приказанія, очень естественно, что Лазаревъ не соглашался на исполненіе такихъ требованій. Если войскъ нечѣмъ было кормить въ Тифлисъ, то въ Гори они должны были терпѣть еще бѣльшую нужду во всемъ.

Отказъ Лазарева повелъ къ большимъ еще недоразумѣніямъ его съ Коваленскимъ. Послѣдній просилъ Кнорринга положить границы ихъ сношеніямъ между собою (*).

Лазаревъ открыто и прямо высказывалъ свое неудовольствіе на Коваленскаго и не скрывалъ своихъ поступковъ. Коваленскій, напротивъ, начавъ съ перваго шага поступать неискренно, долженъ былъ неправдою и защищать себя. Для прикрытія своихъ дѣйствій министръ клеветалъ на Лазарева и старался обвинить его во всемъ.

Коваленскій жаловался Кноррингу, что нерасположеніе къ нему Лазарева дошло до того, что тотъ преслѣдуетъ тѣхъ офицеровъ, которые были приняты въ его домъ; что подъ предлогомъ, будто полковникъ Карягинъ не былъ одинъ разъ на разводѣ, Лазаревъ оштрафовалъ его вычетомъ мѣсячнаго жалованья; что онъ не хотѣлъ первый сдѣлать визита царю Георгію и взыскивалъ съ провіантмейстера за то, что тотъ по своимъ надобностямъ не относился прямо къ царю.

Георгій прислалъ солдатамъ чихирю и балыковъ. Лазаревъ

(*) Письма Коваленскаго Кноррингу отъ 23-го декабря, за №№ 125 и 126, и тоъ 24-го декабря 1799 г. Акты кавк. археогр. ком. Т. I, стр. 103 и 104.

принялъ ихъ, но сказалъ, что этого мало, что солдатамъ нужны провіантъ и крупа. Коваленскій тотчасъ же сообщилъ кому слѣдуетъ, что Лазаревъ затрудняетъ пріемъ царскихъ подарковъ.

Человѣкъ сей совсѣмъ перемѣнился въ своихъ душевныхъ расположеніяхъ — писалъ затѣмъ Коваленскій Кноррингу про Лазарева (1) — ему кажется, что я вмѣшиваюсь безъ права въ попеченіе о продовольствіи, дѣло долга служенія моего и такое, за которое, казалось бы, должно быть ему благодарнымъ.⁽²⁾

Потерявшій жену и дочь, оклеветанный Коваленскимъ, Лазаревъ не считалъ необходимымъ оправдываться. Онъ просилъ только уволить его въ отставку.

„Прошу ваше превосходительство — писалъ онъ Кноррингу (3) — будьте Моисеемъ и выведите народъ изъ работы вражіей.“

Вскорѣ положеніе Лазарева и его полка сдѣлалось еще болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ. Въ войскахъ открылась чесоточная болѣзнь и начали появляться желчныя горячки между офицерами и нижними чинами. Лазаревъ просилъ Кнорринга разрѣшить ему вывести полкъ изъ Тифлиса и расположить его въ балаганахъ около города или въ ближайшихъ селеніяхъ (4).

Солдаты терпѣли крайній недостатокъ въ крупѣ, провіантѣ, дровахъ и въ другихъ жизненныхъ потребностяхъ. Георгій приказывалъ удовлетворять; ему доносили, что все исполнено, но ничего не дѣлали.

Изданная грузинскимъ правительствомъ такса на всѣ жизненные потребности не улучшила положенія войскъ. Купцы или вовсе не продавали ничего и запирали лавки, или продавали припасы только своимъ знакомымъ, и то по гораздо высшей цѣнѣ. Лазаревъ просилъ Георгія распорядиться, чтобы припасы были продаваемы безъ всякой утайки или прижимки, по назначеннымъ цѣнамъ (5); но и эта просьба, какъ и многія другія, осталась неисполненною.

Командовавшій войсками въ разговорѣ сказалъ адъютанту

(1) Въ письмѣ отъ 11-го декабря 1799 г. Тифлисскій арх. канц. намѣстника.

(2) Отъ 30-го декабря 1799 г. Тамъ же.

(3) Рапорты Лазарева Кноррингу отъ 17-го января и 9-го іюня 1800 г. Акты кавк. археогр. ком. Т. I, стр. 105.

(4) Письмо Лазарева Георгію 23-го ноября 1800 г., № 70.

царскому, князю Чавчавадзе, что если полкъ не будетъ обезпеченъ, то какъ бы Георгію не лишиться его вовсе. Царь прислалъ сказать, что употребить всѣ силы къ удовлетворенію Лазарева, хотя бы пришлось ему для того заложить своего сына.

Моего душевнаго огорченія—отвѣчалъ Лазаревъ—его высочество не въ силахъ обратить въ веселость. О себѣ я ни слова не говорю, а сказалъ, что рискую за недостатки въ полку потерять милость своего государя. Лично я не имѣю ни въ чемъ нужды, получаю отъ государя жалованье и имѣю свои деревни. Одна моя претензія состоитъ въ томъ, чтобы полкъ, мнѣ ввѣренный, получалъ все то, что ему слѣдуетъ. До тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ удовлетворенъ, я отъ своихъ требованій не отстану. Но какъ я вижу, что его высочеству не угодно удовлетворить, то беспокоить его больше не стану, а буду доносить своему начальству на линію (кавказскую).⁴⁶

Въ тотъ же день было послано приказаніе объ удовлетвореніи полка всѣмъ необходимымъ; но и оно, по обыкновенію, осталось неисполненнымъ.

— Если полкъ вамъ нуженъ, то берегите его, говорилъ опять Лазаревъ Чавчавадзе.

Царь прислалъ къ Лазареву своего сына—наслѣдника съ просьбою потерпѣть и не доносить Кноррингу.

— Государь вашъ и вы христіанцы, я также, говорилъ царевичъ Давидъ.—Сдѣлайте милость, потерпите и не доносите. Я знаю, что если вы донесете, то полкъ возьмутъ, и мы пропадемъ.

— Съ недѣлю могу еще потерпѣть—отвѣчалъ Лазаревъ—но дальше молчать не буду. Его высочество и безъ полка останется царемъ, а я рискую быть наказанъ.

Разговоръ этотъ все-таки остался разговоромъ: положеніе солдатъ нисколько не улучшилось.

Здѣсь все идетъ какъ у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ—доноситъ Лазаревъ—тамъ все *застра*, а здѣсь *икнеба*, т. е. будетъ, но отъ того ничего не бываетъ.⁴⁷

Въ такомъ положеніи были дѣла при самомъ началѣ вступленія нашихъ войскъ въ Грузію. Положеніе этой страны было такъ разстроено, недостатки во всемъ такъ ощутительны, что, при всемъ своемъ желаніи, Георгій не могъ воплію удовлетворить тѣхъ, которые были присланы на его защиту.

Царь взялъ всѣхъ лошадей офицерамъ на свой про-

кормъ—писалъ Лазаревъ—и одну баню въ недѣлю позволилъ солдатамъ безденежно мыться; вотъ все его благодѣяніе полку. При всемъ томъ, онъ весьма желаетъ, чтобы полкъ былъ всѣмъ удовлетворенъ; но его приказанія худо выполняются, и, словомъ сказать, никто его не слушаетъ.⁴⁸ (*)

Лазаревъ, смотрѣвшій на дѣло просто, безъ задней мысли, отдавалъ справедливость Георгію и не думалъ возводить на него какихъ-нибудь обвиненій. Совершенно противно тому поступалъ Коваленскій. Руководимый тайными цѣлями, онъ сталъ на ложный путь прежде всего тѣмъ, что посылалъ несправедливыя и противорѣчивыя донесенія въ Петербургъ. Министръ писалъ объ отличномъ приѣмѣ, объ особомъ уваженіи, которое ему оказываетъ Георгій, и проч. Когда же увидалъ, что заранѣе составленныя фейерверочныя донесенія не оправдываются на дѣлѣ, что Лазаревъ, не получая провіанта и помѣщенія, долженъ будетъ довести о томъ Кноррингу и обнаружить тѣмъ несправедливость его донесеній, Коваленскій, чтобы свалить съ себя вину, не имѣлъ другого выхода, какъ прибѣгнуть къ обвиненію Лазарева.

Самъ царь скоро опредѣлялъ достоинства двухъ представителей Россіи. Въ одномъ онъ встрѣтилъ чловѣка истинной правды, открытаго и примаго; въ другомъ—нечистосердечіе и честолюбивые замыслы. Душевные качества царя и его расположеніе клонились на сторону Лазарева. Коваленскій сразу потерялъ значеніе. Георгій, о которомъ нашъ министръ писалъ, что онъ исполняетъ всѣ его наставленія и слушается во всемъ, пересталъ обращаться за совѣтами къ Коваленскому, а, напротивъ того, весьма часто спрашивалъ мнѣнія Лазарева.

Недоразумѣнія между Георгіемъ и Коваленскимъ начались скорѣ послѣ прибытія его въ Тифлисъ. По окончаніи всѣхъ обрядностей и по утвержденіи Георгія на грузинскомъ престолѣ, царь долженъ былъ назначить отъ себя полномочныхъ для подписанія акта, подтверждавшаго условія трактата 1783 г. о независимости Грузіи отъ Россіи (**). Царь, подъ разными предлогами, медлилъ подписаніемъ этого акта и высказывалъ

(*) Изъ донесенія Лазарева Кноррингу 22-го декабря 1799 г. Акты кавк. арх. кавк., стр. 101.

(**) Акты, собранные кавказскою археографическою комиссіею. Тифлисъ, 1866 года. Т. I., стр. 95.

желаніе отправить посольство въ С.-Петербургъ съ просьбою о своихъ нуждахъ. (*)

Коваленскій отговаривалъ Георгія отъ такой посылки и спрашивалъ Кнорринга, какъ поступать и что дѣлать.

Георгій не оставялъ своего желанія, а Коваленскій старался доказать, что желанія его несомвѣстны, такъ какъ при немъ состоитъ акредитованный министръ, и просилъ назначить полномочныхъ для подписанія и отсылки акта въ С.-Петербургъ. Георгій медлил исполненіемъ просьбы Коваленскаго и полномочныхъ не назначалъ. Министръ писалъ царю (**), что за все это онъ можетъ подвергнуться взысканію отъ императора, а потому вынужденъ просить царя увѣдомить его письменно о причинѣ нежеланія подписать трактатъ. Георгій въ тотъ же день отвѣчалъ письмомъ, что онъ отправляетъ въ С.-Петербургъ пословъ, и пока до императора не дойдетъ его прошеніе, до тѣхъ поръ актъ не будетъ подписанъ. Министръ удивлялся, что царь могъ отправить прошеніе къ высочайшему двору безъ всякаго предварительнаго съ нимъ сношенія и соглашенія, что такой поступокъ, оскорбляя его, какъ министра, можетъ быть весьма предосудителенъ и для самого царя. Коваленскій указывалъ Георгію на то, что безъ предварительныхъ сношеній съ нимъ, съ министромъ, царь не имѣлъ права писать никакихъ прошеній императору. Георгій настаивалъ на своемъ.

Коваленскій спрашивалъ, съ какою просьбою онъ думаетъ отправить посланныхъ. Царь, узнавъ нравственныя качества министра, не высказывалъ ему настоящей причины отправленія своихъ посланныхъ и тщательно скрывалъ свое желаніе.

„Вы спрашиваете—писалъ царь Георгію Коваленскому (***)—съ какими донесеніями отправляются отъ насъ прошенія, то какъ прежде отъ насъ словесно было объявлено, такъ изъясняю нынѣ письменно:

„1) О назначеніи на всегдашнее пребываніе 3,000 человекъ войска Его Императорскаго Величества.

„2) О сношеніи съ Баба-ханомъ, въ разсужденіи разграниченія между нашими владѣніями и Адрибеджаномъ.

„3) О сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы ахалцыхскій паша

(*) Рапортъ Коваленскаго государю императору 17-го февраля 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Въ письмѣ отъ 25-го января 1800 г. Тамъ же.

(***) Отъ 27-го января 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

не давалъ у себя пристанища лезгинамъ и не позволялъ бы разорять нашихъ владѣній.

„4) О подтвержденіи дагестанскимъ владѣльцамъ, чтобы также не нападали на Грузію и не злодѣйствовали бы противъ нея.

„5) О доставленіи къ намъ пожалованной покойному царю, родителю нашему, артилеріи, какъ уже на то и отъ Его Императорскаго Величества соизволеніе послѣдовало.

„6) О продовольствіи войскъ, нынѣ здѣсь находящихся и впредь прибывающихъ, попеченіемъ російскихъ чиновниковъ, покупкою провіанта и фуража по справочнымъ цѣнамъ.

„Словесно же поручено объ исходатайствованіи для братьевъ нашихъ: католикоса Антонія и царевича Вахтанга, и для сына нашего Іоанна орденъ.

„О ходатайствѣ по вышесказаннымъ пунктамъ мы предписали посланникамъ нашимъ въ инструкціи, а въ прошеніи не вмѣщено. Впрочемъ, пребываемъ къ вамъ съ почтеніемъ.“

Коваленскій соглашался на отправленіе посольства, но въ такомъ только случаѣ, если оно имѣетъ одну цѣль — принести благодарность императору Павлу за его милости и попеченія о грузинскомъ народѣ. Министръ спрашивалъ царя, кто именно назначенъ въ посольство. Георгій отвѣчалъ, что назначаетъ полномочнаго министра своего и великаго сардаря князя Герсевана Чавчавадзе, тайнаго совѣтника князя Георгія Авалова и статскаго совѣтника мдиванъ-начальника князя Еліазара Полавандова.

Коваленскій отвѣчалъ (*), что затрудняется посылкою, потому что посылаемымъ даны чины, которыхъ они до тѣхъ поръ не имѣли; что чины тайнаго и статскаго совѣтниковъ, пожалованные имъ царемъ, до сихъ поръ въ Грузіи не существовали; что тайный совѣтникъ князь Аваловъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ былъ переводчикомъ или секретаремъ свиты здѣшняго министра.

Желая укорить царя, Коваленскій прибавлялъ, что петербургскій дворъ будетъ имѣть весьма невыгодное мнѣніе „на счетъ порядковъ и теченія дѣлъ, здѣсь производимыхъ“.

Не такъ думалъ Георгій: не спрашивая Коваленскаго, онъ отправилъ посольство въ Петербургъ. На кавказской линіи посланные были задержаны Кноррингомъ, требовавшимъ отъ Коваленскаго, чтобы тотъ выдалъ имъ виды на проѣздъ. Ко-

(*) Отъ 16-го января 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

ваденскій отказалъ, и посольство остановилось тамъ, впредь до высочайшаго разрѣшенія объ отправленіи въ нашу столицу. (*)

Въ концѣ апрѣля князь Чавчавадзе, со свитою, былъ отправленъ изъ Моздока въ С.-Петербургъ. (**)

Главнѣйшій поводъ посольства, какъ увидимъ ниже, заключался въ тайномъ порученіи посланникамъ просить императора Павла о принятіи Грузіи въ совершенное подданство Россіи. Видимымъ же и для всѣхъ понятнымъ поводомъ отправленія посольства въ С.-Петербургъ была дѣйствительная близость какъ царя, такъ и грузинскаго народа о новомъ, по слухамъ, нашествіи персіянъ и разореніи страны, слѣды котораго были еще видны въ Грузіи на каждомъ шагѣ.

Незначительность нашего отряда, прибывшаго въ Тифлисъ, неувѣренность въ томъ, что дано будетъ еще большее подкрѣпленіе, и самая невозможность прислать его вовремя и скоро, по разлитію рѣки Терека и по прекращенію сообщенія съ Россіею, производили между грузинами безотчетный страхъ и уныніе.

Свяжія и глубокія раны были причиною преувеличеннаго страха народа. Всмотрѣваясь въ положеніе Грузіи, мы должны упомянуть, что Тифлисъ, по своему мѣстоположенію, былъ укрѣпленъ самою природою на столько, что съ незначительными силами регулярныхъ войскъ могъ устоять противъ нестройныхъ полчищъ азіатскихъ народовъ.

Притомъ, въ странѣ мало населенной, ограбленной и разоренной, гдѣ почти одна треть населенія была уведена побѣдителями въ плѣнъ, для продажи на азіатскихъ рынкахъ, новому неприятелю трудно было продовольствовать свои войска, и онъ не могъ употребить значительнаго времени на осаду крѣпости.

Не смотря на то, что всѣ эти обстоятельства были передъ глазами каждаго грузина, мало находилось лицъ, которыя не предавались бы отчаянію при всякомъ, даже и ложномъ, слухѣ о нашествіи персіянъ или лезгинъ.

Мужество и неустрашимость, отличительная черта характера прежнихъ грузинъ, оставили ихъ теперь совершенно. Во-

(*) Рапортъ Кнорринга государю императору 28-го января 1800 г. Моск. арх. инспек. департ.

(**) Рапортъ Кнорринга государю императору 25-го апрѣля 1800 г. Акты импер. арх. ком. Т. I, стр. 105.

енныя занятія и слава были забыты и сдѣлались достояніемъ разсказовъ о знаменитыхъ предкахъ. Сохранивъ въ характерѣ восприимчивость къ воинственности, грузины не имѣли руководителей и потому утратили бодрость духа. Не было въ народѣ единства и сознанія своей силы.

Для успокоенія жителей, Коваленскій просилъ о присылкѣ съ кавказской линіи еще одного полка. По его мнѣнію, полкъ былъ даже необходимъ, для удержанія въ Грузіи и въ сопредѣльномъ краѣ верховной власти русскаго императора. (*)

По совершенной безпечности—донесилъ Коваленскій императору Павлу — о собственномъ благѣ правительства здѣшняго, удержаніе верховной власти Вашего Величества въ Грузіи, возстановленіе въ оной желаемого и весьма здѣшними единодушно вызываемаго благоустройства, да и самое утвержденіе уваженія къ владычеству Вашего Императорскаго Величества въ сопредѣльныхъ сему краю народахъ не можетъ прочно достигать своей цѣли иначе, какъ, во-первыхъ, содержаніемъ здѣсь войска, во-вторыхъ учрежденіемъ при царѣ по части введенія благоустройства изъ извѣстныхъ людей совѣта, который бы былъ подъ надзоромъ и побужденіемъ повѣренной отъ Вашего Величества здѣсь особы, и, наконецъ, присвоеніемъ сей послѣдней пространнѣйшей власти, со свойственнымъ тому уваженіемъ.⁴

Послѣдняя фраза составляла всю суть, всю цѣль донесенія Коваленскаго. Не трудно видѣть, что министръ нашъ прежде всего добивался власти и почета, и нельзя не согласиться съ Лазаревымъ, писавшимъ, что Коваленскій хочетъ управлять всею Грузіею.

Для успѣшнаго достиженія задуманной цѣли, Коваленскій долженъ былъ чисто поступать непрямоушно. Оттого въ его донесеніяхъ встрѣчаются крайнія противорѣчія. То онъ доносилъ, что въ Грузіи все успокоилось, то свидѣтельствовалъ о крайнемъ безпорядкѣ въ правленіи. Въ одномъ донесеніи онъ пишетъ, что Георгій оказываетъ ему во всемъ знаки уваженія, исполняетъ всѣ его совѣты, въ другомъ—что Георгій не хочетъ подписать акта и не спрашиваетъ совѣта Коваленскаго; то пишетъ, что напелъ въ царѣ твердость правилъ, здравыя разсужденія, протость и благочестіе, то доноситъ, что царь

(*) Рапортъ Коваленскаго государю императору 17-го февраля 1800 г. Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ.

слабъ и ни во что не входитъ. Не дѣйствуя открыто, Коваленскій успѣлъ поспорить со всѣми и сдѣлать то, что, какъ увидимъ ниже, наше правительство признало необходимымъ отозвать его и уничтожить постъ министра при дворѣ царя грузинскаго....

Причины, побудившія Георгія искать подданства Россіи, простекали отъ совершеннаго разстройства всего механизма управленія и вишняго безсилія царства. Сознавая слабость своего здоровья, свою недолговѣчность, Георгій боялся за участь, ожидающую его собственное беззащитное семейство, за все царство и народъ грузинскій.

Незначительная по пространству, Грузія, жертва интригъ и усобицъ, была окружена къ тому же со всѣхъ почти сторонъ народами магометанскаго закона, неперестававшими разорять страну то явными нападеніями, то хищничествомъ, то тайными подговорами лицъ, нерѣдко стоявшихъ во главѣ управленія, „отчего и происходитъ то — доносилъ Лазаревъ—(*) что рано или поздно (царство грузинское) должно быть несчастное“.

Вдовствующая царица Дарья, мачиха Георгія, женщина нрава „весьма крутаго“, потерпѣвъ разъ неудачу, затаила въ душѣ властолюбивые виды и не переставала вредить Георгію. Оскорбленная тѣмъ, что не имѣетъ въ своихъ рукахъ правленія и что Георгій не обращается къ ней за совѣтами, она вела тайныя интриги.

Признаніе императоромъ Павломъ царевича Давида наследникомъ грузинскаго престола и сохраненіе престола въ родѣ Георгія были противны видамъ и желаніямъ царицы Дарьи и ея дѣтей. Георгій и Давидъ присягали на вѣрность русскому императору, радовался и веселился народъ, а царица Дарья подбирала себѣ сообщниковъ и старалась увеличить партію недовольныхъ.

Старшій сынъ ея, царевичъ Іулонъ, имѣвшій помѣстья въ верхней Грузіи и, по завѣщанію Ираклія, претендовавшій на наследство престола послѣ смерти Георгія, являлся дѣятельнымъ ея пособникомъ. Іулонъ самъ по себѣ былъ человѣкъ безхарактерный. Всѣ его поступки были слѣдствіемъ совѣтовъ матери его, царицы Дарьи, и жены, которую онъ страстно лю-

(*) Замѣчанія Лазарева о тогдашнихъ обстоятельствахъ Грузіи 24-го января 1801 г. Тел. арх. канц. наместника.

билъ. Впрочемъ, и ихъ онъ слушался только тогда, „когда напьется пьянъ, что съ нимъ всякій день случается; но дабы онъ не пришелъ въ раскаяніе и не возвратился на истинный путь, то приставлены къ нему Александръ и Парнаозъ, кои уже непреклонны“ (*). Покровительствуя недовольныхъ, разжигая страсти народа, самъ Іулонъ былъ явнымъ послушникомъ царской воли. Несмотря на приказанія Георгія, онъ не выставлялъ со своихъ имѣній ни одного солдата и не давалъ провіанта, приходившагося на его долю по раскладкѣ.

Царевичъ Вахтангъ, весьма хитрый отъ природы, наружно былъ весьма усерденъ къ Россіи, хлопоталъ о нашемъ войскѣ, а втайнѣ держался стороны братьевъ и избѣгалъ всякихъ сношеній съ приверженцами Георгія. Царевичъ Александръ, преданный нравамъ азіатскихъ народовъ и исполнявшій даже азіатскіе обычаи, имѣлъ много сообщниковъ между всѣми народами, окружающими Грузію. Александръ, вмѣстѣ со своимъ братомъ Парнаозомъ, еще при жизни покойнаго Ираклія II выказывалъ неповиновеніе отцу и возмущалъ народъ. „О царевичѣ Парнаозѣ—доносилъ Лазаревъ—я ничего сказать не могу, ибо его ни по чему не видно, исключая чинимыхъ имъ разореній нѣкоторымъ подвластнымъ и приверженнымъ царя.“

Холодность, существовавшая между братьями и родственниками при самомъ вступленіи на престолъ Георгія, вскорѣ обратилась въ явную вражду и открытое сопротивленіе царевичей.

Царевичи Александръ и Парнаозъ, при общемъ дѣленіи Грузіи на удѣлы, получили отъ отца въ удѣлъ имѣнія царицы Дарьи, но съ тѣмъ, чтобы были введены во владѣніе только послѣ смерти матери.

Передъ смертію Ираклія II, Дарья успѣла выпросить у мужа позволеніе отдать Парнаозу часть имѣнія, назначеннаго Миріану, находившемуся въ то время въ Россіи. Возвратившись изъ Петербурга въ Грузію, Миріанъ сталъ требовать свою часть отъ Парнаоза, который, вмѣсто возвращенія имѣнія брату, началъ укрѣплять крѣпость Сурамскую и становился въ оборонительное положеніе. Поступки эти подали поводъ къ началу ссоры.

Царь, расположенный болѣе всѣхъ къ брату своему Ми-

(*) Изъ письма Лазарева Кноррингу отъ 8-го марта 1801 г. Тел. арх. канц. наместника.

риану, за то, что тотъ первый подалъ голосъ объ утвержденіи Георгія царемъ Грузинъ, готовъ уже былъ отправить войско противъ Парнаоза и силою заставить его отдать имѣнія Миріану. За Парнаоза вступилась царица Дарья. Георгій поссорился съ мачихою и оставилъ свое намѣреніе объ отправленіи войска. Парнаозъ остался при своихъ владѣніяхъ. Тогда царевичъ Александръ, одинъ неимѣвшій удѣла, сталъ требовать, чтобы ему были отданы Казахи, которые, по грузинскому обычаю, не могли принадлежать никому, кромѣ царя. Получивъ отказъ въ своихъ требованіяхъ, Александръ сталъ непримиримымъ врагомъ Георгія и недругомъ остальныхъ своихъ родственниковъ. Въ защиту своихъ правъ онъ началъ искать посторонней помощи.

Въ первыхъ числахъ іюня 1800 года, царевичъ Александръ, жившій въ своей деревнѣ Шулаверы, откочевалъ къ турецкой границѣ. Было ли то сдѣлано съ умысломъ или безъ умысла—неизвѣстно, но въ Тифлисъ приняли этотъ поступокъ за намѣреніе царевича удалиться за предѣлы царства. Георгій тотчасъ же отправилъ къ нему духовника и адъютанта съ порученіемъ убѣдить царевича возвратиться въ Тифлисъ. Принявшій въ этомъ участіе Коваленскій отправилъ отъ себя, вмѣстѣ съ посланными царя, майора Колонтарова.

16-го іюня они выѣхали изъ Тифлиса, но по прибытіи въ Шулаверы не нашли уже тамъ царевича. Здѣсь они узнали, что будто бы Александръ, со свитою своею и подвластными ему 500-ми татаръ, съ ихъ семействами, откочевалъ въ горы временно. Одни говорили, что наступившіе жары заставили царевича искать прохлады въ горахъ; другіе увѣрили, что онъ откочевалъ съ цѣлюйти уйти за границу. Посланные отправились за царевичемъ, настигли его въ Сомхетинъ и 17-го іюня, вечеромъ, имѣли съ нимъ свиданіе. Съ неудовольствіемъ и весьма холодно принявъ Александръ письмо Георгія и съ такимъ же неудовольствіемъ выслушивалъ увѣщанія и просьбы вернуться въ Тифлисъ (*).

— Не одинъ разъ—говорилъ онъ—какъ я, такъ и царица мать моя слышали подобныя обнадѣживанія и столько же разъ видѣли нарушение обѣщаній, испытали притѣсненія, при чемъ употреблена была даже военная сила противъ моихъ братьевъ; они и мать моя лишены принадлежащихъ имъ правъ и преимуществъ.

(*) Рапортъ Колонтарова 16-го іюня 1800 г. Тифл. арх. пап. наместника.

У моей матери отняты имѣнія и доходы, которыми она существовала. Я самъ, которому не была оказана должная справедливость, переносилъ все до сихъ поръ съ терпѣніемъ. Не надѣюсь, чтобы царь и впредь сдержалъ свое слово, а потому не могу рѣшиться прибыть въ Тифлисъ по его приглашенію.

Майоръ Колонтаровъ подалъ царевичу письмо Коваленскаго. Александръ, прочитавъ письмо, хотя и выразилъ увѣренность въ томъ, что русскій министръ искренно желаетъ помочь ихъ общей горькой долѣ, но говорилъ, что сомнѣвается въ успѣхѣхъ предпріятій Коваленскаго. Колонтаровъ сталъ убѣждать его вернуться въ Тифлисъ, обѣщая заступничество Коваленскаго и участіе его въ примиреніи братьевъ.

— Я увѣренъ въ расположеніи ко мнѣ Коваленскаго—отвѣчалъ царевичъ—и въ желаніи его возстановить доброе согласіе между братьями; но если до сихъ поръ онъ не успѣлъ въ томъ, то я не могу надѣяться, чтобы и новое посредничество могло имѣть лучшія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что представленная однажды черезъ него незначительная просьба о двухъ татарахъ оставлена царемъ безъ всякаго вниманія.

— Если бы не было въ Грузіи русскаго министра—говорилъ Александръ—то я давно уже отыскалъ бы себѣ и братьямъ надлежащее удовлетвореніе за всѣ претерпѣнныя обиды.

Посланные продолжали уговаривать царевича.

— Если я рѣшусь пріѣхать въ Тифлисъ—отвѣчалъ онъ—то сдѣлаю это единственно изъ уваженія къ приглашенію Коваленскаго, возлагая на него всю свою надежду.

Такъ говорилъ, но не такъ думалъ царевичъ. Онъ приказалъ отвести посланныхъ царя въ кибитку, за четверть версты или болѣе отъ своей ставки, сказавъ, чтобы они не ожидали отъ него никакого другаго отвѣта; Колонтарова же просилъ ночевать у себя, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ и дать рѣшительный отвѣтъ. Боясь подозрѣній со стороны своихъ товарищей, Колонтаровъ отказался отъ предложенія царевича и просилъ отпустить его ночевать въ ту же кибитку.

По уходѣ посланныхъ, часу въ десятомъ вечера, царевичъ Александръ объявилъ своей свитѣ о полученномъ имъ извѣстіи, что тесть царскій, князь Цицѣановъ, назначенъ съ войскомъ преслѣдовать царевича и, если возможно, захватить его живаго въ свои руки и силою привести въ Тифлисъ. Алек-

сандръ объявилъ, что намѣренъ уйти безотлагательно за границу: вѣдъ инвентарю чинамъ ии уморотамъ имѣю въ означенномъ

Въ глубокую полночь, крики караулившихъ лошадей разбудили посланныхъ: оказалось, что всѣ три лошади ихъ украдены и что царевичъ со своими спутниками поднялся и бѣжалъ. Доходившій издали шумъ подтверждалъ справедливость слышаннаго. Окруженные со всѣхъ сторонъ татарами, изъ которыхъ многіе были преданы Александру, посланные не могли предпринять ничего другаго, какъ ласками и частію угрозами убѣдить татаръ не слѣдовать за царевичемъ.

Съ Александромъ ушли, по показаніямъ оставшихся, 65 человекъ грузинъ и татаръ и одинъ священникъ (*).

На утро, когда уже разсвѣло, дѣйствительно прибыли 200 человекъ татаръ, преданныхъ Георгію. По близости границы Турціи, въ предѣлахъ которой ушелъ царевичъ, погоня ихъ осталась тщетною.

Пріѣхавъ въ Карсъ, Александръ былъ весьма хорошо принятъ пашею, угощавшимъ его въ теченіе трехъ дней. Отсюда онъ отправился далѣе, переправился черезъ Араксъ и на четвертый день прибылъ въ персидскій лагерь, гдѣ находились Аббасъ-мирза и Сулейманъ, съ 8,000 или 9,000 войска.

Предувѣдомленный о прибытіи царевича, Аббасъ-мирза выслалъ къ нему навстрѣчу своихъ чиновниковъ и, по словамъ самого царевича, 6,000 войска; приказалъ разбить для него особую палатку, подарилъ ему лошадь и 400 рубл. денегъ. На слѣдующій день мирза прислалъ еще 600 рубл., два кафтана, двѣ шали и два халата. Александръ пробылъ въ лагерь два съ половиною мѣсяца, и слышно было, что Аббасъ-мирза получилъ въ это время отъ отца повелѣніе поступать, какъ будучь совѣтовать ему Ибраимъ-ханъ шушинскій (карабагскій) и царевичъ Александръ (**).

Всѣмъ ханамъ персидскимъ приказано было угощать царевича и всякую ночь „давать банкеты“. Сынъ шаха также два раза приглашалъ къ себѣ Александра, гостившаго у его хановъ и, по собственнымъ его словамъ, проводившаго время очень весело (***).

(*) Показаніе дворянина Турманидзева. Тифл. арх. канц. намѣстника, Турманидзева говорилъ, что съ царевичемъ бѣжали только 40 или 50 человекъ.

(**) Тамъ же.

(***) Изъ письма царевича матери 30-го іюля 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника

„Съ такою честію приняли меня — писалъ Александръ матери — что лучше ожидать нельзя было. Я не могу описать всѣхъ почестей, какія мнѣ оказываются... Въ лагерь для меня обыкновенно ставится одна хорошая, большая и съ отличными кистями и уборомъ палатка; моимъ служителямъ другія семь палатокъ всегда поставлены бывають. Въ сихъ-то палаткахъ съ начала нашего пріѣзда насъ расположили. Словомъ, въ такомъ великолѣпнн и чести нахожусь я у нихъ, что нельзя болѣе сказать...“

Мать Александра, царица Дарья, узнавъ о бѣгствѣ своего сына, думала сама оставить Тифлисъ и соединиться со своими сыновьями Гулономъ, Вахтагомъ и Парнаозомъ. Для прекращенія интригъ, необходимо было удержать ее въ столицѣ. Георгій просилъ Лазарева употребить всѣ средства къ тому, чтобы не допустить царицу къ выѣзду изъ Тифлиса. Царь назначилъ въ распоряженіе Лазарева 12 конныхъ грузинъ и одного чиновника. (*)

Въ Авлабарѣ, гдѣ жила царица Дарья, не было никакого караула, кромѣ лазаретнаго; поэтому Лазаревъ, чтобы не подать вида царицѣ, что за нею наблюдаютъ, разставилъ по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ въ Авлабаръ, ночные секретные пикеты, а по всему авлабарскому предмѣстью посылалъ частые патрули. (**)

24-го іюля Лазаревъ узналъ, что царевичъ Вахтагъ прибылъ съ войскомъ въ деревню Авчалы, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. 26-го числа подошли къ городу, также съ войсками, царевичи Гулонъ и Парнаозъ. Цѣль прибытія ихъ была увезти царицу Дарью изъ Тифлиса, подъ предлогомъ опасности отъ нашествія персіянъ. На самомъ же дѣлѣ, имѣя переписку съ братомъ Александромъ, царевичи искали покровительства Персіи и потому хотѣли устранить мать свою отъ всѣхъ случайностей во враждѣ своей съ царемъ Георгіемъ.

„Я думаю — писалъ Георгій Кноррингу (***) — что они, будучи съ такимъ числомъ войска (до 3,000), когда бы непріятель къ нимъ приблизился, стали бы отвращать отъ насъ народъ и возмущать его и сдѣлались бы единогласными съ непріятелемъ.“

(*) Секретныя письма Коваленскаго Лазареву 7-го и 20-го іюля 1800 года. Тамъ же.

(**) Рапортъ Лазарева Кноррингу 31-го іюля, № 136. Георгіевскій арх. коменд. управленія.

(***) Тифлискій арх. канц. намѣстника.

Спустя три дня, 27-го числа, Лазаревъ получилъ письмо Коваленскаго, въ которомъ тотъ уведомлялъ его, что въ предстоящую ночь царица думаетъ оставить Тифлисъ. Бдительность надзора была увеличена. Георгій приказалъ своему адъютанту собрать 1,000 человекъ въ Авлабаръ; Лазаревъ, со своей стороны, усилилъ пикеты и патрули. Проѣзжая мимо дома царицы, Лазаревъ замѣтилъ, что лошади и карета были готовы и домъ, противъ обыкновенія, слишкомъ освѣщенъ.

Частые патрули и движеніе развѣздовъ около дома дали поводъ обратить на это вниманіе царицы и скрыть свои желанія. Огонь въ домѣ былъ потушенъ и лошади разсѣдланы.

Царь Георгій поручилъ Коваленскому принять на себя роль посредника въ веденіи переговоровъ (*). Коваленскій открылъ съ царевичами сношенія и, по первоначальному ходу, надѣялся соединить ихъ или у себя въ домѣ, или въ предмѣстьи города; да сіе только и было нужно, чтобы имѣть случай его высочеству (царю) взять ихъ силою (**).

Царевичи отказались пріѣхать въ городъ по приглашенію Коваленскаго, и онъ самъ отправился къ нимъ на свиданіе за пять верстъ, куда они прибыли со всѣмъ своимъ войскомъ. Коваленскій убѣждалъ ихъ помириться съ братомъ-царемъ; но царевичи просили только о позволеніи вывезти изъ города мать свою, царицу Дарью. Коваленскій отказалъ въ ихъ просьбѣ. Царица жаловалась, что, оставаясь въ городѣ, остается безъ прирѣнія и пропитанія. Нашъ министръ отвѣчалъ, что она можетъ положиться на полное его попеченіе и на то, что онъ будетъ стараться исходатайствовать ей у Георгія приличное содержаніе. Дарья не соглашалась.

Въ три часа пополудни 29-го числа, Георгій прилегалъ сказать Лазареву, что царица Дарья совѣмъ готова къ отъѣзду и отправила уже часть экипажа своего въ лагерь къ дѣтямъ; вслѣдъ затѣмъ посланный Коваленскаго объявилъ, что царевичи Гулонъ, Вахтангъ и Парнаозъ, стоявшіе съ войскомъ близъ города, намѣрены способствовать ея побѣгу. Посланный Коваленскаго сообщилъ Лазареву, что Георгій желаетъ, чтобы одинъ баталіонъ русскихъ войскъ съ ору-

(*) Письмо Георгія Коваленскому 25-го іюля 1800 г. Московскій арх. мин. иностр. дѣлъ.

(**) Письмо Коваленскаго Кноррингу 4-го августа 1800 г., № 285. Тифл. арх. канц. намѣстника.

діемъ былъ готовъ на Авлабарѣ для подкрѣпленія его войскъ. Лазаревъ поѣхалъ къ Георгію и во дворцѣ встрѣтилъ Коваленскаго. Оба они говорили пріѣхавшему о томъ, чтобы у всѣхъ выѣздовъ изъ дворца царицы были поставлены караулы.

Баталіонъ былъ собранъ на Авлабарѣ и простоялъ всю ночь, до семи часовъ утра; но царица не выходила изъ дому. На утро онъ былъ смѣненъ другимъ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней у дворца царицы стоялъ караулъ, „а баталіоны въ ночную всякій день по очереди ходили“.

На слѣдующій день Коваленскій отправился къ царицѣ и въ домѣ ея нашелъ все приготовленія къ отъѣзду. Онъ спрашивалъ о причинѣ ея отъѣзда. Дарья отвѣчала, что ее понудило къ тому только желаніе быть посреди дѣтей своихъ въ безопасности и съ приличнымъ содержаніемъ. Обѣщая покровительство и защиту, Коваленскій успѣлъ уговорить царицу остаться какъ бы по добровольному желанію. Хитрая женщина, съ видомъ особеннаго расположенія къ Коваленскому, обѣщала остаться въ Тифлисѣ.

Такимъ образомъ, покушеніе царицы Дарьи не увѣчалось успѣхомъ: она вынуждена была оставаться въ городѣ, хотя и не оставила своихъ интригъ и происковъ.

„По вступленіи царя Георгія Праклевича—писала она императору, желая оправдать свои поступки—(*) моего пасынка на царство грузинское, лишены отъ него я и мои дѣти принадлежащихъ намъ правъ, почестей и выгодъ имѣть наслѣдіе царское братьямъ по очереди, что письменнымъ покойнаго царя моего супруга установленіемъ было намъ опредѣлено. Равнымъ образомъ и письменное условіе, данное намъ отъ царя Георгія во имя всемогущаго Бога, къ утвержденію принадлежащихъ намъ правъ, остается съ его стороны нарушеннымъ.“

Какъ только узнала царица Дарья, что Коваленскій привезъ утвердительную грамоту Георгію, что императоръ Павелъ призналъ престолъ наслѣдственнымъ въ родѣ Георгія и что сдѣланъ уже къ тому важный шагъ признаніемъ сына Георгія, царевича Давида, наслѣдникомъ грузинскаго престола, она тотчасъ же обратилась къ нашему министру съ просьбою употребить ходатайство къ законному удовлетворенію ея и ея дѣтей.

(*) Письмо царицы государю императору 1-го августа 1800 г. Тифл. арх. канц. намѣстника.

Коваленскій принялъ на себя обязанность посредника, стараясь помирить враждовавшихъ царевичей и возстановить спокойствіе въ царствѣ. Онъ не достигъ своей цѣли. Царевичи не уклонялись отъ мира, но объявили, что для разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ и недоразумѣній недостаточно посредничества одного Коваленскаго, безъ собранія знатнѣйшихъ чиновъ государства. Честолюбивый и хотѣвшій управлять неограниченно царемъ и всѣмъ царствомъ, Коваленскій не желалъ этого собранія. Не желалъ его и царь Георгій, боявшійся поднятія вопроса о престолонаслѣдіи.

Царь хотя и обѣщалъ помириться съ братьями и родственниками, однако на дѣлѣ поступалъ часто иначе. Оскорбленный тѣми же родственниками еще при жизни отца, онъ слишкомъ былъ нерасположенъ къ нимъ, чтобы не быть предубѣжденнымъ и не поступать во многихъ случаяхъ несправедливо.

Дарья жаловалась на Георгія, что онъ лишилъ ее имѣній и пропитанія, что онъ притѣсняетъ своихъ братьевъ и ея дѣтей, что домъ ее окружили со всѣхъ сторонъ войсками, какъ домъ измѣнницы.

Царица-вдова просила императора Павла защитить ее отъ такихъ несправедливостей.

„Пасынокъ мой — писала она — царь Георгій, находясь теперь въ тяжелой болѣзни, и буде по волѣ Бога, прогнѣвавшася на меня за грѣхи мои, что-либо съ нимъ случится, то сомнѣваюсь, какъ бы престолъ царскій не былъ принятъ избраннымъ отъ него наслѣдникомъ, сыномъ его Давидомъ, а дѣти мои не остались бы безъ участія въ правѣ отъ родителя, имъ оставленномъ.“

„Если оставленное прочихъ царскихъ особъ потомкамъ отъ родителей ихъ право не должно быть уничтожено, тогда соблагovolите принять и отъ царя Ираклія оставленное своимъ дѣтямъ право.“

Царица Дарья убѣждала императора поручить Коваленскому узнать отъ приближенныхъ покойнаго царя о справедливости и дѣйствительности завѣщанія покойнаго Ираклія II и вручить управленіе царствомъ тому, кому, послѣ смерти Георгія, оно будетъ слѣдовать по завѣщанію.

При свиданіи съ Коваленскимъ, Дарья высказала даже желаніе отправиться въ Россію и тѣмъ опровергнуть всякое на

нее подозрѣніе. Коваленскій просилъ ее употребить всѣ старанія къ возвращенію въ Грузію сына ея Александра, обѣщая то же самое сдѣлать со своей стороны. Къ царевичамъ онъ писалъ, чтобы они распустили свое войско и удалились отъ города, ежели не желаютъ послѣдовать приглашенію царя Георгія и пріѣхать къ нему въ Тифлисъ. Царевичи удалились и писали Коваленскому, что весьма сожалѣютъ, что поступокъ ихъ, къ которому ничто иное ихъ не побудило, кромѣ священной обязанности, по естественному закону къ родителямъ, можетъ быть принято и объяснено недостаткомъ вѣрности, усердія и преданности ихъ къ Россіи. Царевичи говорили, что, напротивъ того, они готовы доказать свою вѣрность пожертвованіемъ самой жизни и ожидаютъ только указанія, въ чемъ могутъ быть полезны. (*)

Задержаніе царицы Дарьи въ Тифлисъ имѣло весьма хорошія послѣдствія для Грузіи. „Если бы она ушла — писалъ Лазаревъ Кноррингу — то надѣлала бы каши: тогда бы Имеретія, Персія и внутренній бунтъ, все возстало бы на бѣдную Грузію.“

Трудно было разсчитывать на возможность примиренія братьевъ. Съ каждымъ часомъ вражда между ними разгоралась все болѣе и болѣе. Въ одномъ изъ писемъ Георгія лучше всего видны отношенія ихъ другъ къ другу.

„Мы получили твое письмо — писалъ царь Георгій Отару Амиллахвару (**) — какимъ ты извѣщалъ насъ о притѣсненіяхъ и грабежахъ, чинимыхъ селамъ царевичемъ Парнаозомъ, также о прибытіи его въ Гори и угрозахъ тамошнимъ жителямъ.... Буде желаешь быть нашимъ вѣрноподданнымъ, то докажешь свое усердіе, если не будешь пускать ни Парнаоза, ни его людей въ Гори и ничего имъ не уступишь; ежели же Парнаоза или его людейпустишь въ Гори, то ты долженъ отказаться отъ нашего подданства. Парнаозовыхъ людей не щади никоимъ образомъ: имѣешь право не жалѣть для нихъ ни палокъ, ни дубины, ни камня, ни оружія, ни ружья, ни шашки, ни пистолета, ничего противъ нихъ не жалѣть и не пускать ихъ. Если ихъ схватишь и арестованными пришлешь къ намъ, то

(*) Письмо Коваленскаго Кноррингу 4-го августа 1800 г., № 285. Тифл. арх. канц. наместника.

(**) Отъ 21-го сентября 1800 г. Акты вавк. археогр. ком. Т. I, стр. 153 и 154.

это было бы лучше. Кто бы ни явился въ Гори, ничего не уступай ему ни на одну денежку — такъ ты долженъ знать....

„...Горійскій мамасахлись и жители! если вы въ этомъ дѣлѣ не пособите Амилахвару и не будете слушаться его приказаній насчетъ невпуска парнаозовыхъ людей и жестокаго съ ними обхожденія, то кровно провинитесь передъ нами, и мы съ васъ взыщемъ. Не притворяйтесь и не болтайте, а будьте прямодушны и усердны, пособляя въ этомъ дѣлѣ Амилахвару. Тебя, Амилахваръ, мы передъ симъ хотя и требовали сюда письменно, но уже не отправляйся, а смотри за тѣмъ краемъ и напиши намъ о себѣ и о тамошнихъ новостяхъ.“

И. ДУБРОВИИЪ.